

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

МЕЧЕНОСЕЦ

Алекс Орлов

Меченосец

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=566995

Меченосец: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-46219-3

Аннотация

Бывший пилот-контрабандист, а теперь тихий пьяница Рик Сквоттер живет на небольшом острове в теплом море. Все, что ему нужно, – работа за гроши, бедняцкое жилище и дешевый алкоголь. Не в меру инициативные друзья-собутыльники нарушают размеренную жизнь Рика, вынуждая его бежать на другой остров и снова браться за старое ремесло контрабандиста, которое доводит его до тюрьмы. Теперь впереди немалый срок и кажется, что выхода нет, но все меняется, когда вдруг приходят старый враг, инопланетяне и давняя любовь.

Содержание

1	5
2	10
3	14
4	17
5	21
6	27
7	32
8	37
9	42
10	46
11	50
12	55
13	59
14	63
15	67
16	71
17	75
18	79
19	82
20	85
21	88
22	95
23	101

24	106
25	109
26	114
27	118
28	125
29	129
30	132
31	138
32	141
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Алекс Орлов

Меченосец

1

На втором этаже зазвучала музыка. Для Рика она была вместо будильника: вот уже два года, с тех пор как навер-ху поселился художник по имени Карлос, ровно в половине седьмого утра он включал одну и ту же мелодию.

Кажется, это была «Писирина» или «Пасапара», Рик в этом не слишком разбирался. Открыв глаза, он с минуту вглядывался в необшитый потолок, замечая, как толстые доски прогибаются под ногами Карлоса, когда тот не спеша ходит по комнате, убирая кровать и одеваясь, чтобы поско-рее выехать на побережье, где художник рисовал свои кар-тины. Или этюды. Рик в этом не слишком разбирался.

Вот наверху хлопнула дверь, Карлос сбежал по деревян-ной лестнице, и это означало, что нужно подниматься, как бы ни хотелось поспать еще часик. Или два. А один раз, про-гуляв работу, Рик проспал до половины шестого вечера.

Он не был таким уж соней, но вечерами засиживался в «Синем марлине», небольшом заведении для местных пья-ниц. «Марлин» располагался на небольшой площадке на краю скалы, достаточно высоко, чтобы туда не забирались

редкие на Тамеокане туристы. А вот пьяницам подниматься на скалу было привычно, и гнало их туда не только желание выпить, но и невысокие цены.

«Чем выше по скале, тем дешевле сахелла», – говорил трактирщик Лиммен, хозяин «Синего марлина».

Прежде чем спустить ноги на некрашенный пол, Рик внимательно осмотрелся. Однажды он случайно наступил на крысу, и она его здорово укусила. Рана не заживала целый месяц, что заставило Рика стать осторожнее.

И хотя с того времени они с крысой помирились и он даже дал ей имя – Морвуд, что в переводе с эльмейро означало «готовый к битве», осторожность вовсе не была лишней. Как-то раз к нему в капироче заползла лизариевая змея и убила Морвуда. Так что теперешний Морвуд был у него уже второй.

На полу оказалось чисто, в смысле – безопасно, и Рик сел, сунув ноги в плетеные шлепанцы. Слегка потянувшись, он почувствовал в правом боку боль и поморщился. Потом помассировал печень ладонью и поднялся, отчего у него тотчас закружилась голова.

На засиженном мухами столе Рика дожидался графин с треснутым горлышком. В нем была теплая вода, которая слегка остужала «горевшие трубы». Разумеется, можно было поправиться и разбавленной сахеллой, но это часто приводило к «утренней вечеринке», заканчивавшейся через несколько дней, когда кончались деньги.

Этот способ для Рика не годился, хозяин и так косился на него из-за частых прогулов, а с работой на Тамеокане было очень плохо.

Допив всю воду, Рик разочарованно посмотрел на графин и, поставив его на место, двинулся в сторону ванной.

Впрочем, ванной это можно было назвать лишь с большой натяжкой. Просто угол капироче был отгорожен тростниковой загородкой. На стене висел двухсотлитровый бак от «трайдента», на котором он когда-то зарабатывал себе на жизнь.

Этот бак был отмечен двумя пулевыми пробоинами калибра двенадцать и семь десятых миллиметра. Тогда Рику удалось посадить машину на мелководе и вплавь добраться до берега, а позже он даже вытащил свой «трайдент» с помощью троса и грузовика, но самолет выглядел так плачевно, что никакой ремонт ему, латаному-перелатаному, помочь уже не мог. Всего и осталось годного, что этот бак из нержавеющей стали. А пробоины от пуль Рик заклеил пальмовым клеем, и до сих пор эти латки держались надежно.

Роль поддона выполняло пластиковое корыто, которое Рик нашел на крыше после сильного шторма. Провертев в корыте дырку, он приделал металлический отвод и по резиновому шлангу переправлял слив аккуратно под масленичную пальму.

Его система работала уже второй год, и хозяин капироче, сеньор Оноре, до сих пор ничего не замечал, хотя трава под

пальмой выростала за месяц едва ли не по пояс.

Сняв пляжные шорты с огромной надписью «Робинзон», Рик повесил их на гвоздь и, встав в корыто, открыл кран с самодельной лейкой, которую сделал из крышки от соуса «Чибитта».

На голову полилась прохладная с ночи вода, Рик зябко повел плечами, чувствуя, как по телу побежали мурашки.

Это ему сейчас было очень нужно, это было нужно каждое утро, чтобы вконец очнуться и почувствовать себя человеком, а не бездонной прорвой, потребляющей сахеллу, как «трайдемент» бензин марки «джакоте».

«Чибитта – это острота! Чибитта – это молодость!...»

«Доступные продукты! Чибитта – в каждом доме!...»

Всякий раз, наутро после крепкой пьянки, Рик слышал эту рекламу, когда принимал душ. Поначалу он даже выключал воду и прислушивался – может, это у него включен телевизор? Но едва он выключал воду, реклама прекращалась.

Лишь много позже Рик понял, что все дело в его тяжком похмелье, но для этого ему пришлось получить по морде от двух заезжих ларбандоррес – контрабандистов с острова Пельено.

Рик даже не помнил, что он им тогда сказал. Он успел пропустить лишь один стаканчик, когда в «Марлин» пришли эти двое. Они сбили его с ног и начали топтать. Хорошо, что у Лиммена на этот случай имелся под рукой дробовик. Он заставил их покинуть заведение, а потом даже проводил

Рика до его капироче.

Как потом оказалось, Рик почти не пострадал, особенно если вспомнить, что ему приходилось переносить, когда сбитый «трайдент» в очередной раз валился в джунгли, не добравшись до аэродрома.

Торговцы порошком не признавали уважительных причин, и если товар не прибывал вовремя, пилота основательно избивали. Правда, били аккуратно, чтобы тот снова мог летать – желающих обслуживать наркохолдинги было немного.

Одним словом, выпить в тот вечер Рику не дали, а наутро он снова принимал душ и никакой рекламы не слышал. Тогда он еще подумал, что стоит, на будущее, сменить лейку, ведь кроме «Чибитты» у него под кроватью валялось еще штук двадцать крышек от разных банок, а, может, даже целая сотня. Правда, позже он отказался от этой затеи – он снова стал исправно выпивать, и ничто ему уже не мешало.

2

Намылившись, Рик потерял мочалкой, сделанной из рыбачьей сети, и стал смывать мыло, когда вода неожиданно закончилась.

– Ах, чтоб тебя! – выругался он и постучал по баку, определяя на звук, есть ли там вода. По всему выходило, что воды было не меньше половины, из чего следовало, что засорилась лейка. Едва Рик открутил крышку «Чибитты», как оттуда вывалился сбившийся в комок кусок полусгнившего пальмового листа.

В этом не было ничего удивительного, ведь вода в бак падала с крыши, куда раз или два в неделю прилетавший с севера шторм обрушивал ночные ливни.

Прочистив лейку, Рик благополучно домылся и, выдернув из пачки пару бумажных полотенец, кое-как вытерся. Затем подошел к треснутому зеркалу, посмотрелся в него и с трудом распознал в одутловатом, опухшем лице с мешками под глазами знакомые черты. Предъяви он сейчас летное удостоверение в приличном порту, его бы без биологической карты не выпустили на поле.

– Ну и рожа... – с горечью произнес Рик и вздохнул. – Тебе сорок два года, приятель, и выглядишь ты как полное дерьмо... – продолжал он, надевая шорты «Робинзон».

Рик поплелся в кухонный закуток, чувствуя, что слегка

задыхается. Ощущение собственной никчемности, которое появилось еще в ванной, усилилось. Сорок два – это не так много. Старик Марсалес каждый день выходит на лодке в море, а ему далеко за семьдесят. Правда, он почти не пьет...

«А, может, мне начать плавать?» – подумал Рик, открывая шкафчик, откуда на него прыгнул гигантский таракан. Рик машинально дал ему щелчка, тот врезался в стену и, свалившись на пол, бросился в крысиную нору, что было его ошибкой. Из норы донесся шум боя, и через полминуты наружу выбрался Морвуд, держа в зубах трепыхающуюся добычу.

– Недорабатываешь, Морвуд, – с укоризной в голосе произнес Рик, невольно повторяя интонацию своего босса. – Мне такие работники не нужны.

Морвуд хрустнул хитиновым панцирем таракана и положил его на пол.

Тараканов он не ел, а только уничтожал по заданию Рика, который за такую службу давал ему старые заплесневелые галеты, хранившиеся в коробке из толстой жести.

Если бы Морвуд сам мог доставать эти галеты, возможно, он не унижался бы перед жильцом, однако жесть была крепкой и, несмотря на многочисленные попытки самостоятельно добраться до галет, Морвуду это пока не удавалось.

Поэтому приходилось служить, избавляя капирочу от тараканов, мышей и сороконожек. А что делать?

Под пристальным взглядом черных глаз-бусинок Рик достал из коробки галету и положил на пол. Морвуд молнией

метнулся к добыче, схватил ее и юркнул в нору. Затем осторожно выглянул, проверяя, нет ли у жилища каких-то других, более доступных тайников, но Рик достал всего лишь коробку с молотым кофе, так что Морвуд убрался в нору. Он пробовал кофе и в порошке, и в зернах, и он ему не понравился.

Тем временем Рик поставил турку на спиртовой генератор и стал ждать, когда закипит.

За окном затрещал мотоцикл Карлоса – старая машина с коляской и подслеповатыми ксеноновыми фарами. В эту рухлядь Карлос вкладывал денег больше, чем следовало, ведь чинить его приезжали механики из яхтклуба. Должно быть, художник жил на какие-то не связанные с его ремеслом доходы, Рик ни разу не видел, чтобы тот вывозил куда-то свои картины, а их в комнате Карлоса было не меньше сотни.

В пользу этого соображения было и то, что раза четыре за год к Карлосу с континента приезжали девушки из эскорт-клуба, и художник ночевал с ними в «Принце Альберте», лучшей гостинице Тамеокана. Когда у Рика бывали периоды получше и посытнее, ему случалось ночевать с девушками из клубов, что обходилось в три-четыре сотни песо. А еще дорога с континента. Определенно, Карлос располагал хорошими доходами, правда, когда Рик однажды напросился к соседу в гости, оказалось что комната художника отличалась от жилища Рика лишь тем, что вместо бутылок и засохших рыбьих голов у того повсюду валялись краски, кисти и перепачканные холсты.

Тогда это открытие разочаровало Рика, ведь он рассчитывал заметить что-нибудь такое, что можно украсть. Не теперь, конечно, пока он до этого еще не докатился, но о будущем Рiku следовало думать уже сейчас.

3

Кофе вырвался из турки и зашипел на раскаленной плите. Рик едва успел подхватить посудину, чтобы осталось хоть что-то. Без кофе было никак нельзя, этот напиток отчасти заменял ему похмельный глоток сахеллы.

Поглядывая на мутное стекло электрических часов, Рик стал, обжигаясь, торопливо пить горячий кофе. Он почти опаздывал, и это было плохо, ведь этим утром должен был прийти электроход с товарами, требовалось разгрузить их, чтобы отправить большую партию капиоки а, значит, ожидалась беготня до вечера и ругань вечно недовольного хозяина.

Стена кухонного угла, общая с комнатой Моники, вдруг заколыхалась, загрохотала от ударов расшатанной кровати. Несмотря на ранний час, Моника уже принимала клиентов или не успела выпроводить вечерних.

Допив кофе и стараясь понять, помог он ему или еще нет, Рик подошел к картонному ящику, где хранился его гардероб и, покопавшись в нем, вытащил самую свежую майку зеленого цвета с надписью «Дюкс-Холдинг». Что это означало, Рик не знал, он чисто случайно утащил несколько таких маек с прогулочного парходика, на котором веселились на корпоративном празднике с полсотни человек. Они ненадолго пристали к Тамеокану, чтобы пополнить запас пива и закуски, а Рик и несколько его камрадов сумели стащить с палубы

достаточно добра с фирменными надписями.

Натянув выбранную майку, Рик сунул босые ноги в растянутые сандалеты и, наклонившись, стал застегивать ремешки. Перед глазами поплыли фиолетовые круги.

Справившись наконец с этой нелегкой работой, Рик с облегчением распрямился и перевел дух. Он уже вспотел, а ступни прилипли к сандалетам. При такой влажности следовало надеть хлопковые носки, но все носки из старых запасов у Рика давно кончились, а новых он не заводил, даже когда появлялись деньги, потому что на Тамеокане считалось, что носки носят только пижоны.

Такое прощалось лишь приедем с континента.

Собравшись, Рик вышел на высокое крыльцо, которое делил с Моникой, вдохнул ароматы из хозяйского палисадника и, набросив на петли крохотный навесной замочек, защелкнул его.

Такой замок открывался даже гвоздем, однако брать у жителей капироче было нечего, и если висел замок, это означало лишь то, что съемщик на квартире отсутствовал.

Спустившись во двор, Рик заметил на скамейке троих мужчин, выглядевших, как рыбаки в отпуске. Скорее всего, это были рабочие с плавучей рыбофабрики, которая вот уже три дня стояла на рейде местного порта. Эти трое беспрерывно курили дешевые сигаретки и с нетерпением поглядывали на окна Моника, ожидая, когда подойдет их очередь.

Рик прошел мимо, старательно налаживая походку, ведь

ему предстояло с полкилометра прошагать по крутому прибрежному склону. Тропинка там была неширокой, стоило только оступиться, лететь пришлось бы до самой воды, а учитывая состояние Рика, последствия падения могли оказаться самыми неприятными.

Пройдя мимо других дощатых капироче, принадлежавших тому же хозяину, Рик выбрался на мощенную булыжниками улочку, которая вела к центру одноименного с островом города.

– Привет, Рик! – поздоровался с ним проезжавший на велосипеде Пепе-Игун, начинающий контрабандист. Пару раз Рик угощал его сахеллой, когда Пепе был на мели, и с той поры он считал Рика другом.

– Привет, Пепе. Куда так рано?

– Еду через остров, к сеньору Ромеро. Он намечает большое дело, и я хочу быть в игре. Хочешь со мной?

– Нет, спасибо, у меня есть работа...

– Ну как знаешь.

4

Пепе поехал дальше, а Рик свернул на тропинку, которая тянулась вдоль стен прилепившихся к каменистому склону халуп, таких убогих, что даже деревянные капироче с плетеными из лиан стенами-перегородками по сравнению с ними казались домами буржуа.

Нередко во время штормов такие жилища срывало с утеса и они летели вниз вместе с жильцами. Но место долго не пустовало уже скоро там же возникали новые хижины из битых кирпичей, глины и упаковочного пластика.

Метрах в двадцати вниз по склону шумел прибор, а належавший с моря ветер приносил запах гниющих на камнях водорослей. Со стороны склона вдоль тропы росли вишневые и агавовые деревья. Они были очень старыми, их искривленные стволы и толстые узловатые ветви за много лет переплелись вместе, образовав изгородь, защищавшую неосторожного путника от падения.

Но в этой изгороди имелись значительные бреши, там от неожиданности при виде двадцатиметровой пропасти могла закружиться голова.

Рик к этому зрелищу был приучен, поскольку ходил здесь почти каждый день. Дорога была небезопасной, зато заметно спрямляла путь до портовых складов, где он работал.

Сзади послышалось какое-то жужжание, и не успел Рик

обернуться, как услышал требовательное:

– Эй, дядя, дай дорогу!

Рик подался к стволу вишневого дерева, и мимо него, один за другим, пронеслись на электроскутерах два подростка. Они бесстрашно проскочили брешь в живой изгороди, балансируя на грани между стеной и пропастью, и беспечно понеслись дальше.

– Знали бы ваши мамочки, как вы тут катаетесь, – проворчал Рик и продолжил путь. Внезапно по стене хижины скользнул зеленый варан и, перебежав тропинку, начал быстро взбираться по стволу агавы. Невольно следя за его движением, Рик увидел, как разбойник схватил за лапу древесную лягушку, подбросил в воздух и моментально проглотил, а потом замер, уставившись на Рика и надеясь, что тот его не заметит.

Оттаяв, варан перескочил на другое дерево и скоро скрылся в его кроне.

– Вот ведь зверинец, – покачал головой Рик и стал перебираться по самому опасному участку тропинки, разведя руки для поддержания равновесия.

С этого места открывался вид на всю припортовую акваторию. Особого скопления судов там не наблюдалось. Все та же плавучая рыбофабрика на рейде, средних размеров одинокий балкер, тащивший что-то для строительства коттеджей на западном берегу, да закопченный буксир, толкавший баржу с песком на западный берег, где также собирались удли-

нять пляж.

Электрохода пока видно не было, а это означало, что Рик никуда не опаздывает.

Лишь когда, миновав ряды хижин, он стал спускаться на дорогу, послышался отдаленный звук сирены. Это был электроход.

Над причалом шевельнулся башенный кран и покатился к барже с грузом арматуры. Несмазанные колеса засвистели на рельсах так пронзительно, что с крыш поднялись кормившиеся на портовом мусоре ленивые чайки.

Рик пробрался через дыру в сетчатом заборе и оказался на территории порта – напротив склада, в котором работал.

– А вот и гериндо! – заметил Кавендиш, вперивая взгляд в отекшее лицо Рика. – Я думал, ты сегодня не придешь. Говорят, тебя вчера со скалы на руках выносили...

– Что вы, сеньор Кавендиш! – с деланой бодростью воскликнул Рик. – Это все враки! Вы же знаете, раз ты гериндо, на Тамеокане всегда плохой. Про такого человека можно врать что угодно...

Сеньор Кавендиш ничего на это не сказал, и Рик не стал продолжать.

– Через десять минут подойдет электроход, а у нас один погрузчик то ли хромает, то ли... Одним словом, непонятно.

– И второй тоже, сеньор Кавендиш! – сообщил Лайуш, крепкий еще старик с лицом, похожим на кору дерева. Лайуш был чистокровным эльмейро, и всех, кроме таких же эль-

мейро, считал гериндо. Даже сеньора Кавендиша.

– Откуда ты знаешь, ты всего лишь сторож?! – обрушился на него хозяин, расстроенный неприятным известием. – И прекрати гладить эту собаку, у нее, наверное, блохи!

Лайуш отпустил перепуганную дворнягу, и та убежала за стеллажи.

– Пойдем, посмотришь, – сказал сеньор Кавендиш и пошел к складским воротам, а Рик поспешил за ним.

5

В старом жестяном ангаре было сумрачно и сыро, но капиока сырости не боялась. Готовые ящики с ее плодами стояли ровными рядами в ожидании прибытия электрохода.

У весовой, сидя на канатной бухте, двое работников Кавендиша играли в карты.

– Эй, Гриппен! Чем это ты занимаешься в рабочее время? Тебе надоело у меня работать?!

– Так ведь электроход еще не подошел, сеньор Кавендиш! – стал оправдываться Гриппен, пряча карты в карман безразмерных штанов.

– А ты кранцы повесил?!

– А чего их вешать, они еще с прошлого раза неубранные...

– Ну так пойди проверь, на месте ли они! Кто будет платить, если электроход борта покорежит, ты или хозяин?

Гриппен побежал на причал, а Кавендиш свернул налево, где в углу под единственным горевшем светильником стояли два робота-погрузчика.

Они отработали в этом порту лет двадцать, переходя от одного хозяина к другому, и выглядели соответственно – облупившаяся краска, глубокие царапины и потеки масла на гидравлических манипуляторах. Машины назывались «нево», брали на манипуляторы до тонны и со стопкой тяже-

лых ящичков могли балансировать в узких проходах, скользя на небольших роллерных опорах, а при необходимости переходя на шаг, если требовалось подняться на судно с высоким бортом.

Два близнеца «нево» были еще одним фактором, который не позволял сеньору Кавендишу уволить Рика, ведь на Тамеокане нашлось бы не так много людей, которые разбирались в конструкции устаревших погрузчиков. Да и те запросили бы у Кавендиша столько, сколько сам Рик на этой работе никогда не видел.

– Вот послушай, – сказал сеньор Кавендиш и, подойдя к ближайшему роботу, приложил ухо к его боковине.

– Трам-трам... А потом вот это: тра-та-та-ту-у-ум. Послушай...

Он отошел, позволяя Рiku сделать свое заключение. Тот также приложился к панели и, прикрыв глаз, вслушался. Однако никаких «трам-трам» не слышал, все заглушал шум в его собственных ушах. Рик отчетливо слышал, как ухает его сердце, как бурчит живот и шипят легкие.

– Ну что? – спросил хозяин, когда Рик приоткрыл глаза.

– Сейчас... – сказал тот и снова закрыл глаза, чтобы сеньор Кавендиш не лез с расспросами.

«Нужно сосредоточиться, Рик... Нужно сосредоточиться», – приказал он себе. Постепенно шум в ушах переместился на второй план, и Рик расслышал, как медленно проворачиваются валы масляных насосов. Это и было «трам-

трам», потом перерыв, включение клапанов и стравливание давления, это соответствовало «тра-та-та-ту-у-ум».

– Ну что? – снова спросил хозяин, когда Рик закончил прослушивание.

– Он работает, сеньор Кавендиш. Гоняет по системе масло.

– Но он же выключен!

– Я знаю. И это очень странно.

Рик перешел ко второму «нево» и, едва приложился ухом к его боку, услышал те же звуки, что и на первом роботе. У обоих погрузчиков произошла одновременная поломка – они работали, хотя и были отключены.

– Ну и что, тоже шумит? – озабоченно спросил Кавендиш.

– Шумит.

– Точно так же?

– Да.

– Они будут работать, Рик? Электроход же – вот он, совсем рядом! Если они откажут, будет худо!

– Будут работать, – наобум сказал Рик. От пристального взгляда Кавендиша его затошнило.

– Но ты хотя бы загляни в них! – настаивал хозяин.

Тошнота усилилась, чтобы удержать подступивший к горлу ком, Рик замер, глядя куда-то поверх правого плеча Кавендиша. Тот невольно оглянулся – там слонялся без дела Зумас, напарник Гриппена по игре в карты.

– Эй, бездельник, тащи сюда отвертку! – крикнул хозяин,

но Зумас даже не пошевелился и не посмотрел в сторону хозяина.

– Зумас!!! – заорал рассвирепевший сеньор Кавендиш и бросился в дальний конец ангара. Рика это не интересовало. Как только хозяин убрался, его отпустило и появилась возможность снять с панели монтажную крышку, которая крепилась на барашках.

В пространстве обслуживания загорелась лампочка, что позволяло рассмотреть внутренности робота – во всех подробностях. Датчик давления показывал нагрузку, ресурсный – расход энергии аккумуляторов. Выходило, что робот действительно крутил сам по себе. А почему крутил?

«Чего ты там, сам с собой поигрываешь?» – мысленно обратился Рик к роботу, но ответа не получил.

«...Вылетишь, как миленький, на улицу! Босяк!»

Это уже был сеньор Кавендиш.

«Эх, сальнички-уплотнители... Текут помаленьку... – рассуждал про себя Рик, пачкая пальцы под подтекающими патрубками. – А чего им не течь? Других-то взять неоткуда. Техника старая, латаная-перелатаная, как мой «трайидент».

– ...Ноги мне целовать должен за то, что я тебя, босяка, на работу принял! Не слышал он, видите ли! – разносилось на весь ангар.

«До чего же громко орет хозяин... Вроде раньше потише был... Или нет?»

Рик задумался, глядя во внутренности робота. Как будто

все было в порядке – батареи, двигатель, насос, масло в бачке. Что же нужно этой машине? Однако ответ был где-то рядом, интуиция Рика все еще работала. Вот этот запах масла, запах подгоревшего машинного масла – откуда он? Но тут все забрызгано маслом, а мотор едва теплый, насос – тоже. Батареи в норме. Так в чем же дело?

Из дальнего конца ангара послышался грохот, это сеньор Кавендиш в гневе не заметил стопки старых ящиков и вместе с ними завалился на жестяную стену.

Рик невольно обернулся и, не глядя, мазнул рукой по внутренностям робота. И тут же отдернул обожженную руку!

– Ах ты, жжаба! – воскликнул он, дую на пальцы. – Ах ты... жжаба...

Но поняв, обо что обжегся, забыл про боль и легко коснулся крышки блока управления.

Так и есть, крышка была так раскалена, что на ней подгорало масло, которого здесь тоже было достаточно.

«А, может, я его правда не слышал... Может, я задумался...»

Рик встряхнул головой, ему уже начали мерещиться голоса.

«Что же там так раскалилось, а? Процессор? – начал гадать он, высматривая, сколько на крышке винтов. – Нужно посмотреть. Снять крышку и посмотреть. Если блок сгорит, хозяин не обрадуется...»

«Чего так орать-то? Он и в ящики упал без меня – по зло-

бе своей...»

– Эй... – произнес Рик, распрямляясь. Теперь он слышал этот голос вполне отчетливо.

– Так тебе нужна эта отвертка или я пойду к Гриппену?

– Зумас, так тебя разэдак! Это ты, что ли? – воскликнул Рик, оборачиваясь.

– А ты чего, первый раз меня видишь? Не узнал?

– Нет, просто показалось...

6

За долгое время винты крепко прикипели, приходилось прилагать немало усилий, чтобы открутить их. Один, два, три... Четвертый совсем не поддавался.

– Зумас, держи винты, только осторожно – они горячие!

– Ничего, я привычный... И правда горячие. А я просто стоять там очень люблю, у этой стены. Я там прямо обо всем забываю. И нет этому никакого объяснения, я даже у врача спрашивал... У племянника сеньора Альбера... Знаешь его?

«Знаю. Только он не врач никакой, а ветеринар. По собакам...»

– Эй, ты чего меня не слушаешь? – обиделся Зумас. – Я спросил, знаешь ли ты племянника сеньора Альбера?

– Знаю. Только он не врач никакой, а ветеринар. По собакам...

– А мне какая разница? Я спросил его, почему я люблю стоять у стены? А он мне – и мочиться на нее? Представляешь?

«Я же говорил – по собакам он. Если стена или столб, то сразу на них нужно отметить...» – продолжал Рик мысленную беседу.

– Ты слушаешь меня?

– Я же говорил... по собакам он. Если стена или столб, то сразу на них нужно отметить, – произнес Рик. У него

появилось ощущение, что эту фразу он уже говорил. – Держи еще три болта и подай какую-нибудь тряпку...

– Рукавица согодится?

– Давай.

Надев на левую руку рваную рукавицу, Рик снял крышку блока управления, и в лицо ему пахнуло, как из печи.

«Утю-тю, вот это фокус», – подумал Рик, разглядывая главный чип. Для такого простого робота он был слишком велик и наверняка стоил немалых денег. Но давно, лет тридцать назад, а то и сорок.

«Тексас милитари...» – прочитал он на процессоре название производителя. На всех других деталях стояло то же клеймо. Скорее всего, это была начинка для военных машин, которая пролежала на складе положенный срок, устарела, и ее использовали для сборки гражданских погрузчиков. Правда, в военные железки функциональный перечень команд вшивался намертво, без возможности перепрограммирования. Военная специфика, тут никаких сбоев быть не должно.

Рик хорошо это знал, ведь он был военным летчиком. Вернее, должен был им стать, но не получилось.

«Как же военный процессор управляет простым погрузчиком? Откуда берет гражданские команды?» – стал размышлять Рик. Эта работа заставила его забыть про похмелье.

– А я, между прочим, еще и магниточувствительный че-

ловек. Знаешь, что это такое, Рик? Это когда магнитная буря, а ты, к примеру, зашел выпить...

«А, может, они какие-то перемычки поставили? Отсюда не видно, а снизу – раз-два – и какие-то блоки закрыли... Может такое быть? Может...»

– И знаешь, бывает, что эта буря магнитная так шарахнет, что потом меня трясет дня два, а то и четыре, да еще, бывает, электроника всякая из строя выходит. Вон, сегодня ночью над Руммартом и буря магнитная разразилась, и гроза!.. А он мне – Зумас то, Зумас се. А Зумас сегодня сам не свой, честное слово... Стой, ты куда?

– Подожди...

Рик подошел ко второму «нево», быстро снял с панели монтажную крышку и, едва взглянув на следы сгоревшего масла на крышке блока, понял, что второй робот страдал той же болезнью.

«С чего это они одновременно вырубались?» – подумал Рик, ставя на место монтажную крышку.

– Ну ты тут и распахал...

«Не твое дело...»

– Ну и что они – работать будут?

«Давай винты...»

– Чего молчишь-то?!

– Винты, говорю, давай! – раздраженно произнес Рик и только сейчас понял, что вместо Зумаса на него смотрит сеньор Кавендиш.

– Сейчас закручу крышку и проверим... А где Зумас?

– Да я этого придурка на причал к Гриппену послал...

Прямо не знаю, что с ним делать. Я ему ору, а он не слышит, стоит у этой стены как приклеенный...

Поставив крышку на место, Рик закрыл панель и вдруг заметил, что стал двигаться, почти не ощущая одышки.

«Люблю я такую работу, чтобы железки, чтобы загадки...» – подумал он.

– Я уже который раз замечаю, что он возле стены как приклеенный стоит! И глаза, знаешь, так закатывает, как обкуранный!

Голос сеньора Кавендиша на мгновение отвлек Рика от собственных мыслей, и ему показалось, что с ним снова говорит Зумас.

«Что-то про стену. Было уже... А если не заработают? Снова крику будет...»

Рик снял с гвоздя на стене поцарапанный пульт и, отойдя на несколько шагов, включил команду «тест». Оба робота встрепенулись и без сбоев выполнили все рабочие движения, подтверждая, что готовы потрудиться.

– Вроде все в порядке, а? – спросил сеньор Кавендиш.

– Да, хозяин. Пока пусть работают, а там видно будет. По крайней мере, под крышками у них все как обычно.

– Тогда вперед, я уже слышу, как электроход винтами молотит... Запускай погрузчики и пошли скорее...

Рик включил погрузчикам рабочий режим и пошел за Ка-

вендишем. А за ними на роллерных платформах покатались «нево».

Когда они вышли на причал, грузовое судно-робот, вывернув винты на максимально возможный угол, правым бортом двигалось к причальной стенке.

Человеку впечатлительному этот грузовик мог показаться даже страшноватым. На нем отсутствовали надстройки и рубка, не было мачты, лишь короткая антенна на корме для нужд навигации, да сигнальные стробоскопы, похожие на глаза с хитрым прищуром.

Бортов на электроходе тоже не было, как и палуб. Только разгрузочные створки, которые расходились в стороны, облегчая доступ к трюмам.

Электроход быстро приближался, умело подрабатывая винтами, а Рик смотрел на взбиваемую им пену и все размышлял о причинах сбоя в погрузчиках.

«Зачем я сказал, что под крышками все в порядке? Ведь перегрев блока грозит...»

Тут Рик почувствовал спиной чей-то жесткий, сверлящий взгляд. Он резко обернулся, но там никого не было, лишь два «нево». Они стояли рядышком, как и положено близнецам. Эти машины, в принципе, не могли сверлить его взглядами, поскольку вместо глаз у них были панели объемного восприятия.

Внезапно шум винтов прекратился и стало тихо. Электро-

ход продолжал двигаться по инерции, но внутри него ничего не крутилось и двигатели не работали. Рик даже услышал пощелкивание каких-то остывающих механизмов – все это было странно и неожиданно.

Не успел он прийти к каким-то выводам, как электроход снова ожил и, взбивая пену, продолжил процесс причаливания.

В момент, когда он коснулся кранцев, швартовые штанги вышли из бортов и щелкнули в причальных замках, надежно закрепив судно на причале.

– Ну все, ребята, пошли! – крикнул Кавендиш роботам, однако те не тронулись с места – просто трюмные крышки были еще закрыты. Но выглядело все это как акт неповиновения.

Рик покосился на хозяина, тот заметно нервничал, опасаясь, что погрузчики могут выйти из строя, тогда за простой электрохода с него вычтут немалый штраф.

Гриппен и Зумас стояли поодаль, не желая лишний раз попадаться на глаза хозяину. Сегодня у него было особенно плохое настроение – хуже, чем обычно.

Наконец стальные створки поднялись и встали вертикально, открыв заставленное ящиками и пластиковыми мешками трюмное нутро.

Здесь было сельскохозяйственное оборудование, стройматериалы, автомобильные шины и стиральный порошок, а еще лодочные моторы, рыболовные снасти, дешевые сигаре-

ты, укус и все то, что требовалось на острове и помогало избегать порожнего рейса электрохода. Кавендиш заранее обходил все лавки и магазины, обещая скидки на доставку товара, чем радовал владельцев магазинов и одновременно вызывал негодование тех, кто такими перевозками с континента зарабатывал на жизнь.

Створки встали на стопор, «нево» получили от судна сигнал и один за другим затопали навстречу развернувшимся сходящимся.

Вскоре они исчезли в глубине трюма, а затем появились с тяжелой кладью, перебрались на причал и покатали на роликах к воротам склада.

Кавендиш поспешил следом, чтобы проверить, как они укладывают груз, однако его опасения были напрасны, ящики легли точно на очерченные белой краской квадраты.

Это означало, что погрузчики не сломались, что они работали как обычно, и сеньор Кавендиш мог перевести дух.

Рик видел, как разгладилось лицо хозяина, он даже как будто улыбнулся.

Разгрузка шла полным ходом, «нево» деловито сновали из склада в трюм и обратно, а после того как все привезенные грузы были перемещены под крышу, погрузчики стали доставлять на электроход ящики с капиокой.

И сразу в воздухе запахло свежим хлебом – это был запах спелых плодов. Рик вспомнил, как в первую неделю на новой работе ел их с утра до вечера, но теперь он на эти ящики

даже смотреть не мог.

– Ты считаешь? – спросил хозяин. Рик кивнул. Это было еще одно его полезное качество: помимо знания механизмов, Рик быстро считал и запоминал результаты вычислений. Пока все глазели на топающих туда-сюда «нево», Рик успевал сосчитать, в какую сторону сколько и каких ящиков перенесено. При этом его не смущали поддоны, на которые ящики или мешки клали «девяткой», «горкой» или даже «в связку». Он с ходу определял метод укладки и количество единиц упаковки.

В разгар погрузочных работы в небе над ангаром неожиданно завис реактивный полицейский робот «трапеция», который местные контрабандисты называли «поморником». Его прицелы скользнули по ангару, по бегающим на причале погрузчикам и застывшим людям. Не найдя причины вмешаться, аппарат выпустил форсажные факелы и унесся к горизонту.

– Эй, хозяин, а чего ему здесь надо? – спросил Гриппен, потирая рыжую бороду.

– Догони и спроси... – ответил Кавендиш. Случалось, «трапеции» ошибались и атаквали легальных перевозчиков, принимая их за контрабандистов. Некоторых из этих случайных жертв потом буксировали в порт, где они и стояли до окончания разбирательства. Но чаще жертвы ошибочных атак оказывались на дне, поскольку у «трапеций» были мощные роторные пушки.

Поставив очередные стопки ящиков в трюм, «нево» поднялись на причал и покатались к воротам склада. Они уже закончили разбирать дальний штабель и перешли к ближайшему, видимому с причала. Помня, как были раскалены их процессоры, Рик продолжал приглядывать за роботами, чтобы вовремя заметить неполадки.

К первой стопке ящиков с капиокой «нево» подкатили одновременно. Как только один из них опустил захваты, чтобы поднять стопку, второй неожиданно огрызнулся. Да, именно огрызнулся! Рик видел, как угрожающе вскинулись его захваты и как он боком попытался протаранить своего товарища. Но не успел Рик испугаться, как все встало на свои места. Робот, успевший взять стопку первым, покатил на причал, а его напарник поднял вторую и последовал за ним.

Рик покосился на хозяина, но тот увлеченно распекал Зумаса за то, что тот замаслил грязными руками всю стену, а ведь в прошлом году в ангаре делали ремонт.

Роботы проехали мимо, Рик посмотрел на их закопченные спины, невольно представляя, как от высокой температуры где-то там, в процессорах, плавятся временные переключки, наспех поставленные на военном заводе.

Возможно, это было не так и ему все только казалось, ему и сторожу Лайушу с его собакой. Они стояли на углу склада и внимательно следили за действиями роботов, изредка обмениваясь встревоженными взглядами.

8

Погрузка закончилась, «нево» поднялись на причал, и огромные крышки люков стали медленно закрываться, похожие на створки хищной кувшинки, поймавшей на клейкие реснички жирную стрекозу.

Этого момента Рик всегда ждал с особым волнением: ему казалось, что, захлопывая люки, электроход слегка ухмыляется. Да, дескать, ждите, так я и повезу вашу капиоку на фабрику. А по мере того, как крышки люков опускались, одновременно с ними приседал и Рик, ожидая того момента, когда в трюме погаснет освещение.

Он уже давно подозревал, что где-то там, в потайных отсеках и темных нишах, пряталась тайная команда электрохода, которая с нетерпением ожидала, когда трюм закроется, чтобы наброситься на ящики с капиокой и приняться торопливо пожирать сочные плоды, давясь их жесткой корочкой. Эти существа, по мнению Рика, были очень нетерпеливы, иногда у них не выдерживали нервы, и они бросался к ящикам за полмгновения до выключения освещения, позволяя Рику увидеть себя.

Иногда ему это удавалось, иногда нет, но всякий раз он внимательно следил за створками, стараясь не упустить подходящий момент. А вдруг в этот раз увидит?

– Ты чего там всякий раз высматриваешь? – спросил се-

ньюр Кавендиш, подходя к Рикку.

– Нечего не высматриваю, привычка просто. Один раз мне показалось, что там была крыса, вот теперь и смотрю.

– Не беспокойся, в трюме аэрозольный контроль. Если появится крыса, откроются ловушки и она будет уничтожена. Так-то...

Было видно, что Кавендиш почти успокоился. Прибывший товар разгружен, капиока погружена. Швартовые штанги благополучно убрались, и под днищем электрохода закрутились винты – капиока пошла на фабрику. Однако что-то его по-прежнему беспокоило.

– Ты видел, как у этого... – Кавендиш кивнул на металлический корпус электрохода. – Как у него двигатели встали, когда он подходил к причалу?

– Да, сеньор Кавендиш, видел.

– Я так перепугался. То эти двое что-то там тархтят, то эта махина останавливается...

– Такое бывает, хозяин. Может, для него это нормально – отключиться для смены программы, или он тесты передавал в компанию. Срочно...

– А зачем им срочно? – спросил Кавендиш, глядя на уходивший в море электроход. Там, у самого горизонта, над водой прошла пара «трапещий».

– Что-то они зачастили к нам...

– Да, – кивнул Рик, чувствуя, что хозяин хочет о чем-то спросить.

– Я вот что у тебя спросить хотел, Рик. Ты магниточувствительный человек? Знаешь, что это такое?

– Нет, – ответил Рик, но тут же вспомнил, что совсем недавно что-то об этом слышал.

– Это когда начинается магнитная буря, понимаешь?

– И что?

– А то, что утюги перегорают и авто, бывает, не заводится. Или вон, электроскутер у соседского пацана за ночь разрядился.

– У нас водолейка полная? – спросил Рик о том, что его интересовало. Внезапно он почувствовал сильную жажду, и это его обрадовало, потому что где-то он читал, что алкоголики жажды не испытывают. А раз он ее испытывает, значит, все еще относится к нормальным людям. Ну, почти.

– Водолейка? Конечно полная, если только Гриппен не вылакал... Я ведь к чему веду, Рик, ты же видел, как электроход остановился, а перед этим наши погрузчики чего-то задумали. Не может ли это быть связано с магнитной бурей? Ночью над Руммартом она как раз разразилась, да еще гроза добавила. Может, это от бури? Эй, Рик, да ты меня слышишь?

– А? – вздрогнул Рик. Потом обернулся на ворота склада и снова посмотрел на хозяина.

– Сеньор Кавендиш, а почему вы это сказали? – неожиданно шепотом спросил Рик.

Кавендиш тоже посмотрел на ворота и также шепотом пе-

респросил:

– Какое слово?

– Вы сказали «чего-то задумали»... – Рика даже передернуло от мысли, что не ему одному кажется странным поведение погрузчиков. Сначала Лайуш и его собака и вот теперь сеньор Кавендиш. – Вы действительно думаете, что они могут что-то задумать?

– Нет, конечно, – с деланой бодростью произнес Кавендиш и нервно рассмеялся. – Это же железки и ничего больше. Пойдем попьем воды, что-то и мне пить захотелось.

Мысль о том, чтобы попить воды, показалась Кавендишу лучшим поводом для прекращения этого разговора. Он тоже чувствовал себя не в своей тарелке.

Они перешли в ангар и встали у водолейки – установки для опреснения и очистки морской воды. Взяв карбоновые кружки, Кавендиш и Рик налили себе по полной и стали пить – Рик с жадностью, а хозяин больше из приличия. При этом оба старались не смотреть в дальний угол, где застыли в ожидании закончившие работу погрузчики.

– Вот и стоит он там всегда, возле этой стенки, – вернулся к старой теме Кавендиш.

– Это вы про Зумаса?

– Про него.

– Сеньор Кавендиш, к вам из скобяного магазина приехали! – прокричал Гриппен от дальних ворот.

– Скажи, что иду! – отозвался хозяин и, поставив недопи-

тую кружку, поспешил к выходу, однако штабель привезенных грузов обошел вокруг, чтобы не проходить мимо дремавших в углу «нево».

Рик выпил две кружки подряд и лишь после этого почувствовал, что жажда отступила.

Взглянув на любимое место Зумаса, он заметил замасленное его руками пятно и решил подойти посмотреть, пока хозяин отсутствовал.

Со стороны первых ворот доносились голоса и жужжание электрокара – магазинщики прибывали на своих грузовичках, зная, к какому часу товары с электрохода уже разгружены.

Рик подошел к тому месту, где обычно подолгу стоял Зумас, и дотронулся до стены рукой. Но ничего не почувствовал, стена как стена, в прошлом году здесь действительно отбивали всю известку, чтобы протянуть вдоль стенового пакета кабель, необходимый для запуска электрической балки. Правда, пока работы для нее не было, но, как часто говорил хозяин, важно развиваться на перспективу, вот он и развивался, надеясь, что вскоре будет таскать кран-балкой контейнеры весом до пяти тонн.

На испытаниях кран-балка легко доставила такой контейнер на палубу старой рудовозной баржи, которую ради такого случая Кавендиш арендовал на сорок пять минут.

Так же легко, с помощью балки, удалось снять этот контейнер и утащить в дальний конец склада, где он до сих пор и стоял. Рик посмотрел в тот угол и, наморщив лоб, попытался вспомнить, с чего это он стал думать про контейнер... Ах да! Кабель! Он не прошел на всю длину внутри стены, наткнувшись на стальную перегородку, пришлось его вывести на участок кирпичной кладки, предварительно продолбив ее жужжащей машинкой. Пыли было – пропасть.

Какие-то движение отвлекло Рика. Он повернул голову и увидел собаку Лайоша – маленькую портовую дворнягу, которая мелко тряслась и остекленевшими глазами смотрела

на Рика.

Хотя нет, смотрела она на что-то другое, находившееся в причальных воротах за его спиной.

«Выпить бы сейчас...» – подумал Рик, подозревая, что у него начались галлюцинации. Собака затряслась сильнее и напустила под собой лужу, а Рик все не решался обернуться. Ну что там может быть страшного? Ну что?..

Он обернулся и едва не уподобился несчастной псине. От позора спасло лишь то, что в первую минуту Рик не поверил увиденному, а между тем, на высоте человеческого роста, над бетонным покрытием беззвучно висела «трапеция», Рик чувствовал жаркое дыхание ее двигателей.

Наверное, она «вползла» бы и в ангар, однако размах ее крыльев был раза в полтора шире. Рик и не подозревал, что эти механические хищники такие огромные!

Он видел следы копоты на ее голубоватом брюхе, масляные потеки люков шасси и черную матовую спину.

А еще у «поморника» была небольшая башенка со стробоскопами, почти как на электроходе и, конечно, две роторные пушки, которые уже вращались и в любой момент могли разнести и ангар с ящиками, и громко перекликавшихся людей у дальних ворот, и маленькую перепуганную собаку.

Себя Рик к возможным жертвам не причислял, он все еще сомневался, в самом ли деле видит «трапецию» или это результат острого желания выпить.

Черный силуэт качнулся, «трапеция» поднялась на

несколько метров, став для Рика невидимой, однако он следил за ее тенью, когда она заскользила по причалу, затем соскочила в море и двинулась на юго-запад.

«На континент пошла...» – отстраненно подумал Рик и повернулся к собаке, но ее на прежнем месте уже не было, о присутствии псины напоминало лишь расплывавшееся пятно.

Из-за мешков с цементной смесью появился вспотевший Кавендиш.

– Рикки, у меня появилась свободная минутка! Давай-ка сверим факты и записи...

С этими словами он открыл приготовленный блокнот и, взяв авторучку, спросил:

– Готов?

– Готов, сеньор Кавендиш, – ответил Рик, глядя на оставшееся после собаки пятно, на котором стоял хозяин.

– Смесь строительная «монолит»...

– Пятьдесят два мешка...

– Сходится. Стиральный порошок «Пташка»!

– Тридцать шесть бочонков...

– Сходится... Далее – насосы электрические по полтора киловатта.

– Видел двенадцать ящиков, а уж по сколько там...

– Правильно, они там по две штуки. Далее – гвозди разные.

– Шесть бочонков...

– Хорошо...

Они прошлись по двадцати пяти позициям и пришли к заключению, что весь товар без обмана доставлен в склад.

Довольный хозяин убрал в карман блокнот, потом потянул носом и спросил:

– Как будто горелым пахнет, ты не чувствуешь?

– Вроде нет, – пожал плечами Рик.

– А это не погрузчики наши пахнут? – понизив голос, спросил сеньор Кавендиш.

– Вряд ли. Это с соседнего причала, там всегда чего-то жгут...

– Это точно! – согласился Кавендиш. – Опять, наверное, старое корыто ремонтировать пытаются, вместо того чтобы сдать на металлолом.

– Ага, – кивнул Рик, а про себя подумал: «Выпить бы сейчас».

На скале у Лиммена он оказался в половине седьмого – как никогда поздно. Его всегдашние собутыльники Марк, Кескес и Турио были уже под хорошим градусом, ведь они здесь сидели с пяти часов.

Эти ребята работали в государственной почтовой компании Тамеокана, поэтому слово «переработка» им знакомо не было.

На высотном пяточке, где находилось заведение, в этот вечер было немного ветрено. Резкие порывы северо-западного ветра трепали выцветшие тенты покрывившихся зонтиков и норовили опрокинуть пластиковую вазу с фальшивыми цветами, стоявшую на разливочной панели.

Лимману раз за разом приходилось ловить вазу, но, даже если он не успевал, с ней ничего не случалось и Лимман водружал ее на место, как знаменосец знамя полка.

Почему-то эта ваза имела для него особое значение, завсегдатаи заведения уже давно перестали гадать, в чем ее тайный смысл. Прежде он даже опрыскивал эти цветы химической медуницей, чтобы привлечь пчел, но вместо них прилетали лишь роботы-минидраггеры, заменявшие на острове исчезнувших пчел.

Несмотря на кажущуюся нетронутость лесных участков Тамеокана, его природа была порядком подпорчена учены-

ми-активистами, поэтому для поддержания сельского хозяйства всю работу по опылению выполняли бесчисленные стаи микророботов производства компании «Биомоторс».

Мини-драггеры наведывались на запах медуницы так часто и при этом жужжали так громко, что это стало вызывать недовольство посетителей, в конце концов Лиммену пришлось не опрыскивать больше свои пластиковые цветы, однако самой пластиковой композиции он остался верен.

Не спеша занять место рядом с собутыльниками, Рик лишь махнул им рукой и взгромоздился на табурет возле стойки.

Если бы он сразу присоединился к компании, то свалился бы через полчаса, а это в планы Рика не входило. Он слишком долго ждал конца рабочего дня, чтобы так просто наладиться на пустой желудок и свалиться под стол после пары стаканов. Такое происходило с ним слишком часто, чтобы он не извлек никаких уроков. Нет уж, дудки, теперь он всегда пил только красиво. Ну, или почти всегда.

– Привет, начальник, – поздоровался с ним Лиммен. – Тебе опять в высокий стакан?

– Как догадался? – спросил в ответ Рик, обводя взглядом пяточок и замечая за одним из столиков двух лоснящихся от денег гериндо.

– А чего тут догадываться? – пожал плечами Лиммен и стал наливать сахеллу в высокий стакан зеленоватого стекла. – Когда ты за столиком, то пьешь, как все, из «барбосок»,

а когда садишься за стойку, всегда просишь высокий стакан.

– И что, так всегда бывает? – спросил Рик, с удивлением глядя на дымящийся стакан с бурлящей сахеллой. – Это что, с карбидом?

– Почему с карбидом? С сухим льдом...

– Раньше ты так не подавал.

Рик поднял стакан и посмотрел на свет.

– Раньше не подавал, а сегодня эти двое гериндо попросили у меня выпивки со льдом, а льда-то у нас отродясь не бывало.

– Не бывало, – согласился Рик и попробовал бурлящую сахеллу. Оказалось, что, холодная, она почти не имела вкуса, но это было к лучшему: сахелла у Лиммана пахла так, что хоть нос зажимай. Зато была дешевой.

– Гериндо все чаще забираются на твою скалу, – сказал Рик, поглядывая на туристов с континента.

– Да, мы становимся популярными, – улыбнулся Лимман, протирая стойку цветастой тряпкой.

– Эдак ты скоро и нас погонишь, если гериндо станет больше...

– Нет, этого не будет, они сюда идут именно за этим, как его... За брутальностью! Если я правильно все понял, наше заведение славится на континенте именно тем, что мы находимся на скале, куда нужно подниматься, а также тем, что на этой верхотуре собираются алкаши и контрабандисты. Ты посмотри, какие тут морды – любому портретисту на год ра-

боты!

Рик кивнул, но смотреть на морды не стал. Он каждое утро видел в зеркале свою собственную.

«Любому портретисту на год работы, – мысленно повторил он. – Интересно, а Карлос портретист?»

Рик попытался вспомнить, что за картины были в комнате соседа, когда он заходил к нему в гости. Но вспомнить не получилось, ведь тогда он шарил глазами по его имуществу.

Понемногу сахелла делала свое дело, и Рика отпускало. Порывы ветра уже не казались ему такими жесткими, зонтики такими грязными, а лица знакомых такими помятыми. Утро следующего рабочего дня маячило лишь очень отдаленной перспективой, а пока можно было погрузиться в мир «настоящих мужчин» Тамеокана, которые преуспевают, меняют подруг-красавиц как перчатки, строят планы на миллионы, но пропивают за вечер всего полтора песо.

– Давай две «барбоски», – сказал Рик, покончив с выпивкой в высоком стакане.

– Вот это по-нашему! – улыбнулся ему Лиммен и, достав два фаянсовых стаканчика с потрескавшейся эмалью, наполнил оба до самых краев. Рик взял их и, развернувшись, двинулся к столику проверенных собутыльников.

Вечер обещал быть веселым и насыщенным.

Через полчаса Рик почти догнал своих приятелей и был уже «в теме».

– Да что мне сеньор Кавендиш?! – пьяно похвалялся он. – Да он мне в рот смотрит, этот сеньор. Он со мной по каждому вопросу советуется, что ты, Рик, думаешь о том, а что об этом...

– А ты? – спросил Турио, который всегда выглядел трезвым, сколько бы ни пил, выдавала его лишь заторможенная реакция. Вот и сейчас он задал вопрос по поводу первой части выступления Рика, где тот рассказывал о починке роботов-погрузчиков и о том, как сунулся под монтажную панель, а там пахло горелым маслом.

– А что я? Я отвечаю. Нельзя же отмахнуться от человека. Все же он платит мне зарплату. Хотя, конечно, уже порядком надоело объяснять ему все, как маленькому.

– Ну что, еще по «барбосу»? – предложил Кескес, поднимая стакан.

– А ты? – спросил Турио, пристально глядя куда-то мимо Рика.

– Я присоединяюсь, – ответил тот, хотя вопрос Турио касался его предыдущего заявления.

Уже начинало темнеть, под накренившимися зонтиками стали загораться заряженные солнечным светом осветитель-

ные панели.

– Тогда я эту стерву выгнал и взял себе новую подругу... – продвигал свою «тему» Марк, глубоко затягиваясь сигариллой «Грезы», такой крепкой, что у всех сидящих за столом слезились глаза.

– Ну и как она, новая? – спросил Рик, щурясь от дыма и с удивлением обнаруживая, что все вещи вокруг излучают оранжевый свет. И стаканчики с облупленной эмалью, и поцарапанный стол, и сушеные креветки на помятой пластиковой тарелке, и даже поставленные в вазу пластиковые цветы.

Он посмотрел на свою ладонь и увидел, как вокруг пальцев вьется светящийся дымок, принимающий все оттенки радуги в зависимости от шума, который теперь Рик отчетливо слышал.

Такое с ним случалось и раньше, но всякий раз по-иному, и он знал, что это работа сахеллы. Сахелла – она такая!

– А титьки у нее! Как две спелые капиоки сорта гигант-настурция! – продолжал описывать Марк свою воображаемую подругу. – А корма! Во какая! Не вру!

– А в койке она как? – уточнил Турио, у которого включилась вторая скорость опьянения, когда он ненадолго переставал тормозить.

– В койке? – переспросил Марк и удивленно посмотрел вокруг. – А это, ребята, я забыл...

Пока он собирался с мыслями, Рик перешел на волну Кескеса, который продолжал бесконечный рассказ о своей без-

удержной силе.

– И вот веришь? Схватил я этот стальной прут, да вот так вокруг руки и намотал! – Он показал, как именно, напрягая мышцы, наматывал себе на руку стальной прут, который, судя по усилиям Кескеса, был толщиной в дюйм – никак не меньше.

– Они, конечно, удивились все. Тогда я еще один прут взял, да и разорвал пополам! Даже сам испугался, такая в руках сила бурлила...

– А титьки у нее! Как две спелые капиоки сорта гигант-на-стурция! – начал Марк с того места, которое запомнил.

Двое гериндо поднялись из-за стола и, подойдя к стойке, расплатились, а затем пошли к лестнице, то и дело оглядываясь.

У Турио после пяти «барбосок» включилась третья скорость опьянения. Пододвинув стул, он нагнулся к Рику и, обняв его за плечо, сказал:

– Есть тема, приятель...

Затем огляделся, подозревая в каждом посетителе полицейского агента, и понизил голос:

– Короче, есть партия шарнийского шелка. Восемнадцать тысяч штук...

Рик неопределенно повел головой. Партия и впрямь была не маленькая. Перевези такую с островов на материк без уплаты пошлин – цена вырастет втрое. Выгода обещала быть солидной, так что Рик был готов связаться в дело, хотя про

шарнийский шелк слышал почти каждый день.

Однако в мире сахеллы были свои порядки, то, что казалось неправдоподобным человеку трезвому, в мире сахеллы считалось самым что ни есть настоящим.

– Я плохо разбираюсь в шелковых штукаках, приятель, – сказал Рик и потянулся за очередным «барбосом». – Ты можешь перевести это в тонны?

– В тонны не могу, – покачал головой Турио и снова с подозрительностью огляделся.

– Почему? – спросил Рик и тоже огляделся.

– Потому что это секретная информация.

– Понимаю, – согласился Рик и пригубил сахеллы.

Это был его седьмой «барбос», в котором сахелла была легкой, как вода родника. Седьмой «барбос» Рик пил без спешки, потому что это был последний, переходить эту черту никому не рекомендовалось. Седьмой – это легкость, иногда невесомость, это песня и кошачья грациозность, но восьмой был тропинкой в пропасть. Тонкой и неверной, которая обрывалась так внезапно, что сколько Рик по ней ни путешествовал, он так и не научился вовремя определять этот момент – момент отрыва.

Он и седьмой-то «барбос» не должен был трогать, но тяготы затянувшегося рабочего дня обязывали.

– Я могу сказать тебе, сколько это будет в мерных контейнерах... – сообщил Турио.

– В полуторных или в квартах?

– В квартгах.

– Ну и сколько?

– Восемнадцать...

– То есть восемнадцать тысяч в восемнадцати контейнерах, так?

– Так.

– Значит, в каждом контейнере по тысяче шелковых штук, так?

– Нет.

– Почему нет?

– Потому что это секретная информация.

12

Когда небо на западе стало темнеть, на скалу начали прибывать контрабандисты. Не те, что вели пьяные разговоры, а самые настоящие, с бегающими глазами и вздрагивающие при каждом звуке, напоминающем вой «трапеции». Однако по мере того, как наступала темнота, ветер ослабевал и его порывы больше не напоминали звук атакующего «поморника».

Контрабандисты садились за столы и начинали свои разговоры, сначала тихо и скрытно, а по мере опьянения все более громко и откровенно.

Это были те, кто, отправив в темноту катер с экипажем, уходили промочить горло, чтобы под утро снова оказаться на берегу и принять товар и катер. Или только катер, если экипаж опасался выходить в море.

Бывали такие ночи, когда «трапеций» в воздухе было слишком много, но отменять рейс было нельзя, тогда катера шли на автономном управлении, тупо пересекая проливы по прямой.

Приходили на скалу и те, кто работал в экипажах раз через сутки, а потом прислушивался к реву моторов на море и говорил что-то вроде: «Это Эрнесто на «Морском Котике», я этот голос издаю».

И в этот раз все было как всегда. Пропустив пару «бар-

босов», контрабандисты начинали говорить громко, потом хвастаться и наконец хвататься за ножи и пистолеты, однако Рик ничего не боялся, поскольку в этот час им управляла только сахелла.

«Я сам работал с Гвидо Рамольдсом и знаю, что он никогда не ходил на Ривьеру!» – хрипло кричал какой-то человек.

«На что ты намекаешь, Ирсон? Ты хочешь сказать, что кто-то молотит языком без дела? Ты на это намекаешь?»

«Понимай, как знаешь, Ржавый! Но я работал с Гвидо и таких походов не помню, а уж с твоим участием – тем более!»

Сверкнули ножи, забияки перевернули пару столов, и кто-то наверняка бы серьезно пострадал, но неожиданно раздался крик:

– «Поморник!» «Поморник» прямо по курсу!

Драка тотчас прекратилась, публика повскакивала с мест и бросилась мимо стойки к слабому ограждению, под которым, в темной бездне, бились о скалу тяжелые волны.

– Осторожнее там, цепь совсем старая! – закричал Лиммен, но его никто не слушал. Все следили за цепочками красных трассеров, которыми «трапеция» хлестала по скакавшему по волнам катеру.

Самого катера в темноте видно не было, но яркий свет от снарядов окрашивал в розовый цвет пену, которую взбивал тысячесильный мотор.

– Ну почему он не стреляет?! Что же не бьет, «поморник» его сейчас в упор разделяет! – кричал кто-то.

– Выжидает! – отвечали ему. – На такой волне не больно-то отмахнешься!

– А кто это – никто не узнаёт? – спросили сзади.

Все замолчали, пытаясь по едва слышимому звуку определить, кому принадлежит катер.

– Вроде Гирмор... – предположил кто-то. – Это у него помпа подвывает...

– Помпа у всех подвывает, у кого движок «пятьсот десятый».

– Тогда не знаю.

– Эй, да это же Джузеппе! Джузеппе-Мул! – пронзительно закричал один из посетителей, и толпа расступилась, пропуская его к самому краю.

Между тем «трапедия» продолжала клевать катер короткими очередями, оттягивая момент решительного удара. Робот старался покалечить посудину, чтобы вызвать полицейский десант для ее захвата, однако пока катеру везло, он умело маневрировал, скакал по гребням волн, наполняя восхищением души тех, кто знал Джузеппе-Мула.

– Я его сменщик! Я его сменщик, но сегодня он вызвался смотаться вместо меня, понимаете?! – кричал тот, который опознал катер. Это был контрабандист с восточного побережья острова и в «Синем марлине» появлялся редко.

Наконец на катере решились на ответный удар. Сверкнула яркая вспышка, и с направляющей в сторону «трапедии» пошла ракета.

Пытаясь уйти от нее, робот скользнул на крыло, затем спикировал к воде, но ракета на обман не поддавалась. Секунда-другая – и кривлянья «поморника» закончились точным попаданием.

Вполнеба полыхнула яркая вспышка, горящие обломки посыпались в море, вызвав бурю эмоций у посетителей.

Должно быть, на катере тоже радовались, но почему-то уходили в сторону порта на полном ходу, отчего из выхлопных труб судна выбивало метровые факелы.

«Совсем топливо не бережет», – подумал Рик, глядя на это сквозь мелькания рук и шляп возбужденных контрабандистов.

Вскоре темноту распороли новые трассеры, которые послал очередной «поморник». На скале замерли, ожидая, что и теперь катер постоит за себя, однако больше предупреждений сверху не последовало. Полыхнули факелы роторных пушек, и наперерез прыгающему по волнам катеру полились потоки ярко-синего пламени. Они ударили точно в цель, катер вспыхнул облаком искр, которые отнесло ветром на воду.

На скале молчали, не было слышно ни криков, ни рыданий. Многие из контрабандистов видели такое не в первый раз и частенько сами под огнем пушек прорывались к такому желанному континентальному побережью. Теперь не повезло еще одному. Посетители стали возвращаться, садясь на скрипучие стулья и глядя перед собой на недопитые «барбосы».

Дольше всех на скале оставался тот контрабандист, чей напарник был на том катере, но и он в конце концов вернулся на место и сразу получил множество предложений об угощении.

Рик тоже вернулся за свой стол, чтобы не спеша допить оставшуюся в седьмом «барбосе» сахеллу. Случившееся в море не произвело на него особого впечатления, он уже был слишком пьян. Зато этот бой хорошо лег в историю Турио с его шелком, контейнерами и большим наваром. В какой-то момент Рик показалось, что это они с Турио потерпели неудачу, а значит, партия шелка так и не достигла заказчика. Обидно.

– Обидно, – вслух произнес Рик.

Снова подул ветер. Теперь он пришел с востока, пробежав через весь остров и напитавшись множеством запахов. Рик вдыхал его и видел заросли разноцветных петуний в пали-

садниках, закопченные закусовые с извечной картошкой и рыбой, склад удобрений «Удо Лидберг» и даже общественный сортир напротив пивной на центральной улице. Как-то так получилось, что всего за три года Рик сросся с этим островом, и он казался ему ближе, чем континент, где его часто незаслуженно обижали, да и выпивка там была значительно дороже.

Тем временем потерявший напарника контрабандист двинулся от стола к столу, получая от каждой компании по «барбосу». Люди угощали от чистого сердца, желая помочь бедняге, однако такое количество сахеллы не шло ему на пользу.

С трудом оторвавшись от очередного стола, Гарсиа – так звали контрабандиста – потерял равновесие и, попятившись, шлепнулся на стул рядом с Риком.

Минуты две они смотрели друг на друга, теряясь в перепутанных логических нитях. Рик никак не мог понять, почему так изменился Турио и кто в этом виноват – Турио или Рик, допивший свой седьмой «барбос». Между тем у Гарсиа в руках было еще два стаканчика с сахеллой, он не сразу их заметил, а заметив, протянул один Рикку, сказав:

– Выпьем...

И только тогда Рик узнал этого человека и вспомнил, что тот пострадал. Он также отдавал себе отчет в том, что Гарсиа протягивает ему восьмой «барбос». Восьмой! Тот самый восьмой, за которым сахелла открывала бездну, а это всегда означало падение и всегда боль, но уже утром.

– Выпьем, – повторил Гарсиа или, может, Рикю это послышалось. Он взял протянутый стаканчик и, ни минуты не колеблясь, выпил его до дна.

Так было нужно.

Поначалу ничего особенно не случилось, Рик даже сумел подняться со стула – хотелось убедиться, что он еще в «Синем марлине».

Под зонтиками горели светильники, за стойкой улыбался довольный Лиммен, но, кроме него, в заведении никого не было. Только столы, стулья и выющиеся над тарелками морские мошки.

Посетителей не было, но Рик знал, что это не так. Ему уже приходилось добираться до восьмого «барбоса», и он помнил, что все сложные зрительные образы исчезали, чтобы человек мог видеть самое главное. А что самое главное в таком состоянии? Правильно, добраться до дому. Следовало сначала спуститься по восьми высеченным в скале пролетам ступенек, а потом пройти по узкой, петлявшей между кустами магнолии тропке.

Вот для чего требовалось остававшееся под контролем внимание.

«Пойду домой...» – подумал Рик, и эта здравая мысль вдруг прогремела в голове, словно удар грома – «Пойду домой!», «Пойду домой!»

– Сегодня ты меня не обманешь, – сказал Рик и погрозил разливной панели, в котором еще бурлили неисчерпаемые

запасы сахеллы. – Я пойду домой и ни разу не упаду!..

Потом, подумав, добавил:

– Ну, может, раза два...

Однако сосредоточиться на процессе ухода домой ему мешало нечто выющееся вокруг него, словно мотылек вокруг лампы. Что-то живое двигалось совсем рядом и иногда касалось его.

– Лиммен, сколько с меня сегодня? – спросил Рик и удивился тому, насколько звучный у него голос. В следующий раз ему следует говорить тише. В следующий раз.

– Завтра отдашь... – как всегда отмахнулся Лиммен. Он не рассчитывался с пьяными и получал с них деньги, когда те приходили трезвыми.

Неожиданно мелькание рядом с ним прекратилось – это Гарсиа наконец замолчал и перестал двигаться, потому что заснул стоя.

Увидев его, Рик не удивился. Он уже давно пил и мало чему удивлялся. Гарсиа открыл один глаз, потом другой и вполне трезвым голосом произнес:

– Ты мне друг, Рик, и даже больше. Подтверждаешь?

– Подтверждаю, – легко согласился Рик.

– А ты готов на все ради нашей дружбы?

– Готов, – сказал Рик.

– Хорошо. Тогда иди за мной...

Гарсиа повернулся и направился к краю скалы.

– Осторожно, друг, – сказал Рик, заметив, как змеится перед ним предательская тропинка восьмого «барбоса». Вот она граница – у самых ног.

– Ты боишься? – спросил Гарсиа.

– Нет, – ответил Рик. Он был сосредоточен лишь на том, чтобы не провалиться в пропасть, которая пряталась на тропинке. Рик уже ходил по ней и знал, что нужно держать ухо востро.

– Вперед, друг! – закричал Гарсиа, шагнув со скалы, и Рик, не задумываясь, сделал то же. Он летел вниз, чувствуя, как ветер треплет его одежду, и раздумывал о том, насколько

тонка грань между извилистой тропинкой и падением в бездну. Как ни старался он быть начеку, сахелла снова обманула его, а значит, будет тяжкое утро.

Никогда сахелла не бывала так жестока, как наутро после восьмого «барбоса».

Неожиданно яркая вспышка осветила все вокруг, заставив мысли Рика изменить направление. Повсюду он видел огонь и всем телом чувствовал, как его поджаривают на ярком гудящем пламени.

«Откуда это? Почему?» – пытался разобраться Рик и вдруг закашлялся, когда попытался вздохнуть.

– Да это же вода! – воскликнул он и стал загребать левой рукой, поскольку правая уже не слушалась, а левый бок продолжал гореть огнем.

Волны раскачивали Рика и швыряли в сторону небольшого прибрежного наката из базальтовой крошки, но, ударяясь о скалу, они бежали назад, снова волоча за собой беспомощное тело.

Рик пытался бороться и цеплялся за дно, но песок был рыхлым, а со дна поднимались тысячи рачков-люминофагов, насыщавших воды изумрудным сиянием.

Когда Рика снова подбросило на волне, он почувствовал удар в ноги, а затем, совсем рядом, понеслись ярко-синие сигнальные огни, обозначавшие двенадцатиметровое тело энардона.

Чудовище прошло под Риком, затем сделало круг и на сле-

дующем проходе сомкнуло на нем челюсти.

– Ой, больно! – вырвалось у него. – Пусти, тварь! Пусти, отравишься!

Рик помнил рассказы о разборчивости энардонов, которые никогда не проглатывали пьяных рыбаков. Вот и сейчас Рик ощутил, как по телу монстра пробежала судорога. В следующее мгновение энардон мотнул головой, выбросив Рика на мягкий накат из базальтовой крошки.

– Кажется, сандаля потерялся... – спохватился Рик и принялся шарить по мокрому песку. Накатывавшие волны приносили все новые колонии люминофагов и все вокруг сияло от их изумрудных вспышек, но потерянного сандаля рядом не было.

Откуда-то сверху доносились трудноразличимые голоса, пару раз по воде полоснул луч фонаря. Но не успел Рик начать горевать о пропаже, как изумрудные волны вновь расступились и нечто, напоминавшее раскинувшего крылья орла, пролетело над Риком и шлепнулось на накат чуть ближе к скале.

«Это птицы. Ночные морские птицы...» – подумал Рик, продолжая искать сандалию, однако неожиданно наткнулся на человеческое тело.

«Ну и дела...» – удивился Рик и снова услышал голоса сверху. Сахелла на мгновение отпустила его, сразу вернулись воспоминания о падении в бездну.

«Не нужно было пить восьмой «барбос». Не нужно...»

Рик поднялся на ноги, взял за воротник лежавшего на накате незнакомца и двинулся вдоль полосы прибоя, волоча за собой обмякшее тело.

На втором этаже дощатого капироче зазвучала музыка, служившая Рикю вместо будильника, поскольку уже два года поселившийся наверху художник Карлос заводил ее в половине седьмого утра.

Рикю доводилось слышать эту мелодию и прежде, но он не помнил ее название – то ли «Пасольеза», то ли «Касабланка». Хорошая мелодия на случай, если ты в кабаке и тебе нужно потанцевать с девушкой.

Эта мелодия обладала особенной силой и была в состоянии вырвать Рика из объятий крепкого сна, тогда как будильника после очередной пьянки он мог и не услышать.

Открыв глаза, Рик с минуту глядел на необшитый потолок, рассеянно наблюдая, как прогибаются под Карлосом старые доски. Что он там делает под эту музыку? Прежде Рик думал, что художник заправляет кровать, одевался, расставлял стулья или, может быть, складывал свой мольберт. Но сейчас Рикю стало казаться, что Карлос танцует. Да, именно танцует – вальсирует и, возможно, не один.

Рик легко представил себе даму, с которой мог танцевать Карлос. Она не из тех, которые приезжали к художнику с континента для известных услуг. Эта женщина была другой.

«Значит, он там танцует», – подумал Рик и попытался вздохнуть, но его легкие вдруг прихватил приступ жестокого

кашля, от которого во рту появился привкус крови.

Наверху хлопнула дверь, Карлос сбежал по деревянной лестнице. Рикю тоже пора была подниматься. Вот только как? Левая рука едва шевелилась, а правой Рик снял с уха веточку «морской капусты».

«Водоросли? Откуда на ухе водоросли?» – удивился он. Рик не помнил, чтобы вчера купался. Не было такого. Но, если честно, он не помнил вчерашнего вечера вообще. Где был? Что делал?

«Чем выше по скале, тем дешевле сахелла», – говорил Лиммен. Значит, вечером Рик снова был на скале. Других вариантов у него не бывало.

С трудом приподнявшись на локте, Рик застонал от боли и снова упал на подушку. Должно быть, очередной поход в «Синий марлин» закончился дракой и его снова побили. Рик поднес к глазам правую руку и увидел на костяшках ссадины.

«Значит, я им тоже врезал...» – подумал он, и от этой мысли ему стало немного легче.

Чуть сдвинувшись на кровати, Рик сбросил на пол левую ногу, потом, продолжая поворачиваться, правую и теперь наполовину находился вне постели, а значит, почти бодрствовал.

«Крепко били, мерзавцы. Втроем, наверное...» – подумал он, чувствуя неутоленную обиду.

Находясь в таком подвешенном положении, он ощупал правой, работающей рукой, левую. Кости были целы, но от-

битой она оказалась по всей длине, даже притронуться было больно. Рик сразу представил, как лежал левой стороной наружу, а правой – к стене. Так его и били. Но где на скале стена? Должно быть, к стойке прижали, больше там негде.

«Хорошо, хоть со скалы не сбросили», – подумал Рик, готовясь действовать решительнее. Он должен был подняться во что бы то ни стало, ведь вчерашний вечер не отменял сегодняшней рабочий день.

Рик уперся правой рукой в обшарпанную деревянную стену и, оттолкнувшись от нее, окончательно сбросил себя с кровати, однако ударился задом об пол, взвыл от боли и рухнул на левую, отбитую сторону, отчего его тело словно пронзили тысячи раскаленных иголок.

Это были змеи, в этом Рик не сомневался. Их здесь собрался целый клубок, и он угодил в него всем телом, да еще спьяну. О, какие мучения! Рик чувствовал, как змеиные зубы впивались в его тело все глубже, раз за разом впрыскивая жгучий яд.

«Помогите, кто-нибудь! Помогите!» – закричал он так громко, что перед глазами поплыли желтоватые круги, а в ушах застучало.

«Помогите! Люди, помогите!» – продолжал голосить Рик, не сразу поняв, что кричит только мысленно, не издавая никаких иных звуков, кроме сопения и всхлипов.

Смирившись, наконец, со своей участью, он вытянулся на полу и всего в нескольких сантиметрах от своих глаз увидел

двух раздавленных змей.

«Придавил гадов...» – подумал он отстраненно, но, приглядевшись, вместо раздавленных змей обнаружил пару домашних шлепанцев, бывших когда-то сандалиями из свиной кожи.

– Это сахелла... – хрипло произнес Рик. – Это она не отпускает меня...

Он осторожно перекатился на правый бок, и тут окончательно стало ясно, что никаких змей на полу нет, зато много обычного мусора. А под столом валяется зажигалка, которую Рик потерял полгода назад, когда хотел выкурить сигару. Но зажигалку выронил, да так и не нашел, а забытую на столе сигару подобрал и съел Морвуд.

Теперь, когда Рик убедился, что змей в комнате нет, ему стало ясно, что на работу идти придется, ведь работа для него была не только средством заработка, но и той чертой, за которой, он это хорошо знал, находилась последняя стадия падения – жизнь на улице, питание водорослями и питье стеклоочистителя «Шмель».

На таком «пайке» долго никто не протягивал, а человек с работой на острове, где всегда имелся избыток рук, считался солидным и уважаемым, даже если позволял себе немного выпить. Или даже много.

Опершись на правую руку, Рик подтянул ноги и с трудом сел на колени.

– Ага, одетый... – обронил он, заметив нижний край майки. Рик пытался разобраться, что это могло означать, но при его образе жизни вариантов было много.

Посмотрев снизу на стол, Рик увидел горлышко графина, правда, пока он не знал, есть ли в нем вода. Подобравшись ближе, Рик ухватился правой рукой за край стола и, поднявшись на ноги, сумел распрямиться и опереться на стол обеими руками. Обеими! Левая теперь тоже действовала!

«Наверное, змеиный яд помог», – подумал Рик, вспомнив, что где-то читал о пользе змеиного яда.

Теперь перед ним был графин, в котором на дне еще оста-

валась вода, пусть и с осадком и дохлой мухой. Это было неважно. Рик схватился было за горлышко графина, но тут в глазах потемнело и он мельком увидел извилистую тропинку после восьмого «барбоса» и снова ощутил щекочущий под ложечкой ужас, который испытал, проваливаясь в бездну.

Но утреннее падение было не таким долгим, спустя пару секунд Рик очнулся, обнаружив, что так и стоит, опершись руками о грязную столешницу.

– В ванную... – скомандовал себе Рик, поняв, что важнее для него удержаться в этой реальности, в его венах пока еще слишком много сахеллы.

– Мыться-освежаться... Мыться-освежаться... – твердил Рик, с трудом переставляя ноги и разведя в стороны руки для удержания равновесия. В таком виде он был похож на неумелого канатоходца, недостаток мастерства которому восполняла сила воли.

Набрав ход, Рик врезался головой в тростниковую стену, но не упал, сделал шаг назад и присмотрелся повнимательнее. Ну так и есть – он пытался пройти через воображаемый дверной проем, находившийся в метре от того места, где он был на самом деле.

Это все сахелла, это ее проделки.

Взяв необходимую поправку, Рик все же попал в ванную и, сорвав с крана лейку, открыл воду на полную.

Освежающая влага полилась на лицо, Рик начал жадно ловить ее ртом, но в спешке поперхнулся и сильно закашлялся,

отчего снова почувствовал во рту привкус крови.

– До ручки уже... дошел... – пробормотал он, закрывая воду и ставя лейку на место.

– Мыться надо... Мыться-освежаться...

Рик начал стягивать намокшую майку через голову, но у него ничего не выходило, майка к нему словно приклеелась.

Оставив попытки справиться с нею, Рик выступил из пластикового корыта, которое играло в душевой роль поддона, и подошел к треснутому зеркалу, чтобы с его помощью поискать причину, почему не снимается майка. Он не сразу сообщил, что же такое видит, и даже мазнул по зеркалу мокрой рукой, чтобы стереть эти странные отметины. Однако отметины оказались не на зеркале, а на его несчастном израненном теле.

– Что... что это? – произнес Рик, голос его дрогнул. Все туловище, от левого плеча к правому боку, пересекали две дорожки круглых отверстий под калибр пуль девять миллиметров. Вокруг отверстий на майке запеклась кровь. У Рика не оставалось сомнений, что в него стреляли.

– Рик, старина! Да они убили тебя!

Пропитанное сахеллой воображение тотчас нарисовало ему жуткую картину, как его, избитого до полусмерти, добивают двумя очередями из какого-нибудь «борхера триста двадцать».

Из глаз покатились слезы, горло сдавил спазм.

«Они убили его...» – вспомнил он фразу из какого-то

фильма. Впрочем, долго горевать смысла не было, тем более что, хотя Рик и чувствовал сильное недомогание после перепоя, следы вчерашнего расстрела на него пока никак не влияли.

Встав под душ в майке, он минут за десять отмочил ее от засохших ран, затем осторожно снял и, вернувшись к зеркалу, убедился, что пробоины на его теле располагались все в том же порядке, словно сделанные гигантской швейной машинкой.

Кое-как успокоившись и вытерев кровоточащее тело бумажными полотенцами, Рик направился на кухню, но по дороге наткнулся на одинокий сандалий.

– Так, выходит, и обувки теперь тоже нету, – подвел итог Рик. – Куда же идти в одном сандале?

Впрочем, какая-то обувь у него оставалась в гардеробной коробке, уж что-нибудь там, под майками и шортами, наверняка можно было выбрать.

Уже оказавшись на кухне, Рик неожиданно обнаружил причину некоторого неудобства на левой ноге. На ней, прицепленный к щиколотке ремешком, болтался второй сандалий, а, стало быть, снова была пара.

Рик попытался снять сандалий, но от сильного головокружения едва не свалился на пол. Пришлось опуститься на шаткий стул, потом занести ногу на табурет, где стало возможным отстегнуть ремешок и отпустить сандалий на волю.

– Плыви, сандаль... – произнес Рик, бросая обувку на пол, и какое-то время наблюдал на ней, пока не вспомнил, что нужно сварить кофе.

Для этого пришлось сделать новое усилие и подняться, а затем, перебирая руками по стенке, добраться до шкафчика. Но едва Рик открыл его, как оттуда снова выпрыгнул гигантский таракан.

Дав ему крепкого щелчка, Рик отбросил агрессора на пол, где с ним быстро покончил подоспевший Морвуд. Сделав дело, он поднял голову и уставился на хозяина в ожидая похвалы.

– А чего ты так смотришь? Тебе за что жалованье дают, чтобы они вот так по апартаментам шарили? Как они, между прочим, сюда попадают, если не по твоим норам, а?

Морвуд ничего не ответил и сделал вид, что собирается уйти, однако не ушел.

– Молчишь? Сказать тебе нечего? А вот это ты видел?

Рик ткнул пальцем в свой живот, указывая на следы неизвестного происхождения.

– На твоего хозяина, может, уже охоту устроили, а ты сюда тараканов допускаешь! Оппортунист!

Морвуд вздохнул. Он знал, что галету ему все равно дадут, еще ни разу не отказывали, хотя залеты у него случались и похуже. Просто хозяину хотелось выговориться, что ж, Морвуд был готов его слушать. Но недолго, у крыс тоже были свои дела, причем весьма неотложные.

Закончив обличительную речь, Рик потянулся к жестяной коробке, а Морвуд встал на задние лапы, чтобы лучше видеть, как именно хозяин открывает крышку. Но хотя он видел это сотню раз, несмотря на все старания, этот фокус у него так и не получался.

Под пристальным взглядом Морвуда Рик достал из коробки галету и положил ее на пол, в полуметре от норки. Морвуд

бросился к ней, схватил и тотчас скрылся в норе, поскольку каждый раз ему казалось, что хозяин может передумать.

Появление дрессированной крысы развеселило Рика и ненадолго отвлекло от мерзкого ощущения, будто он старый бейсбольный мяч, из которого постоянно выходит воздух. Сколько его ни накачивай, он остается вялым и сморщенным. А еще это странное эхо от каждого звука, как будто Рик находился в большом гулком помещении.

Трясущимися руками он все же загрузил в турку кофе и поставил ее на плитку. Затем подкачал насос генератора и стал ждать.

Перед крыльцом Карлос возился со своим мотоциклом, который опять не заводился.

«Давно бы купил скутер...» – подумал Рик, он не видел смысла в бесконечном латании этой ветоши. Но тут же вспомнил, как любовно восстанавливал свой старый «трай-дент» и не покупал новый, хотя удавалось зарабатывать приличные деньги.

Несмотря на раннее утро, у Моники снова было беспокойно, смежная с ее комнатой стена ходила ходуном, иногда даже ударяя по краю стола, хотя Рик преднамеренно отодвигал его подальше.

«У нее сейчас самый сезон», – подумал он, озабоченно разглядывая дырки на брюхе. Рыбные фабрики приходили к Тамеокану не слишком часто, а чтобы еще на рейде стоять – такого вообще не было.

Закипел кофе, и Рик ухитрился вовремя снять его. Затем перелил в фарфоровую чашку, которую когда-то купил на барахолке.

Рик ронял ее десятки раз, но она оставалась целой, уж такой крепкий оказался фарфор.

Пригубив кофе, Рик покосился на часы – они показывали, что он уже почти опаздывает. Но как тут торопиться, когда Рик фактически ранен? И хотя раны его не слишком беспокоили, надо все же оказать себе первую медицинскую помощь, пусть и немного поздновато.

Выпив половину кофе, Рик решил, что дырки от пуль нужно заделать пальмовым клеем. Пальмовый клей в таких случаях самое лучшее средство, тем более что никаких других медицинских средств у Рика не было.

Бак от «трайдента» с латками из этого клея служил ему исправно, так почему не заклеить им брюхо?

Поискав среди брошенных под столом консервных банок, Рик нашел ту самую, в которой оставалось еще достаточно пальмового клея. Правда, судя по следам, туда уже заглядывал пронирливый Морвуд, однако Рик брезгливым не был, в особенности когда дело касалось первой медицинской помощи.

Отколупнув несколько больших кусков клея, он положил его в рот и стал тщательно пережевывать – перед использованием клей следовало хорошо перемешать.

Услышав стук старых банок, из кухонного угла выглянул Морвуд, но, узнав банку с клеем, ушел.

Осторожно, отмеряя шаг за шагом, Рик направился в душевую, чтобы взять пару бумажных полотенец, из которых он придумал делать заплатки.

Но вот все готово, и Рик стал заклеивать раны на груди и животе, которых набралось сорок восемь штук. О том, как вытаскивать из них пули, он пока не думал.

Пальмовый клей здорово жегся, однако Рика это лишь порадовало – если жжется, значит, лечит, в этом он ничуть не сомневался.

Клочков бумажного полотенца не хватило, пришлось снова идти в душевую, однако, взяв из пачки очередное полотенце, Рик почувствовал на спине легкий зуд и оглянулся на зеркало.

Оглянулся и застыл в этом положении, увидев еще два ряда пробоин, расположенные примерно так же, как и те, что были спереди.

– О нет!.. Нет!.. – закричал Рик, догадавшись, что видит выходные отверстия.

Так вот почему он так неплохо себя чувствует – пули прошли насквозь, не задержавшись в теле!

Рик задышал чаще, перед его глазами снова стали расходиться круги. Быть может, он испугался слишком поздно, но это было немалое потрясение. А самое главное – как залепить пробоины на спине?

Наконец, немного успокоившись, Рик сообразил, что, если намазать пальмовым клеем целое бумажное полотенце, то оно закроет всю спину. Придя к такому выводу, он тотчас принялся за работу – принес с кухни оставшийся клей и стал торопливо его пережевывать, затем разгреб на полу мусор, расстелил бумажное полотенце и, выложив на него клей, размазал руками.

На все ушло пять минут, после чего Рик сел на пол спи-

ной к полотенцу, несколько раз оглянулся, выверяя прицел, а затем лег на пластырь и поерзал, чтобы плотнее село.

Вскоре появилось знакомое жжение, и Рик поднялся.

«Жжет, значит, лечит», – напомнил он себе и допил остывший кофе, к которому теперь примешивался вкус крысиной норы.

«Это из-за клея», – догадался Рик и пошел к ящику выбирать другие шорты, майку и бейсболку.

Полностью экипированный, он вышел на крыльцо, навесил на дверь замок и огляделся. На скамейке у пальмы, как и вчера, сидели трое мужчин, но это были уже другие.

– Ну что, управился? Можно следующему? – спросил один из них, обращаясь к Рику.

– Успокойся, Педро, это совсем не тот. Он просто живет рядом, – сказал ему другой.

– По-нят-но...

Было видно, что Педро разочарован. Он смерил Рика презрительным взглядом и сказал:

– А чего на тебе майка розовая? Ты что, гомик?

– А вот это ты видел? – вопросом на вопрос ответил Рик и, задрав майку, показал заклеенные бумажками дорожки ранений.

– Чего это? – опешил Педро.

– Это сорок восемь сквозных ранений, а на спине, между прочим, выходные отверстия... Вот...

Рик повернулся и показал большой пластырь во всю спину. Потом одернул майку и с видом победителя посмотрел на троицу.

– И... ты все еще живой? – спросил один из мужчин.

– Живой. Как говорят в таких случаях – жизненно важные органы не задеты.

– Да-а, – протянул Педро и покачал головой. – Вчера ей только по пять песо платили, а сегодня она уже все семь требует. Скажите, ну разве это правильно?

С этим вопросом он обратился к Рику, зауважав его после неожиданной демонстрации.

– Вы должны ее понять, камрады, рыбные фабрики у нас не каждый день на рейд становятся, вот цены и поднимаются. К тому же женщина она видная, не то что другие.

– Ну, это конечно, – согласился Педро, и остальные тоже закивали.

– Бывайте, камрады, пойду я... – сказал Рик. Он еще раз одернул розовую майку с надписью «Духи «Фея» – мечта вашей девушки» и пошел вдоль забора, думая о том, как объяснить сеньору Кавендишу свое опоздание.

«Можно сказать: хозяин, в меня стреляли, но все обошлось. Или лучше: я пришел, сеньор Кавендиш, но это было нелегко. А он спросит – а что случилось? А я ему...»

Когда улочка из нескольких капироче осталась позади, Рик вышел на мощенную булыжникам дорогу, по которой можно было прийти в самый центр города. По обеим сторонам улицы стояли небольшие домики – совсем крохотные, однако это было надежное жилье, построенное самими хозяевами, притом на выданном властями участке. У каждого домика имелся небольшой дворик и цветущий палисадник, и когда Рику приходилось ходить в город, он выбирал именно эту улицу, чтобы вдохнуть ароматы готовящейся еды,

слушать голоса людей во дворах и музыку, доносившуюся из ТВ-боксов. И всякий раз это было как путешествие в свою несбывшуюся мечту, которой Рик так и не достиг, заплутав где-то среди озер сахеллы.

– Привет, Рик! – поздоровался с ним какой-то человек, похожий на старика Марсалеса – та же задубелая от моря и солнца кожа, те же спутанные седые волосы.

– Здравствуй, камрад...

– На работу идешь? – спросил старик и поправил на плече моток просмоленной веревки.

– Да вот – опаздываю уже.

– Ну ты молодец – человека спас!

– Человека спас? – переспросил Рик, останавливаясь.

– Ну да.

– А когда?

– Вчера, наверное. Сам-то я не видел, но мне утром Дик-Самобег рассказал, а ему вроде Марсалес...

– А что за человек это был, которого спас?

– Не знаю. Наверное, кто-то из наших, из местных.

– Наверное, – согласился Рик. – Гериндо бы я запомнил...

Ну ладно, бывай, камрад.

– И тебе всего хорошего...

Старик пошел своей дорогой, а Рик свернул на проторенную тропинку, которая из мира маленьких аккуратных собственников вела его в мир нищеты и земельного самозахвата.

Грязные стены хижин, тощие кошки и крупные крысы. Вместо спокойных голосов – истошные крики и ругань, вместо запаха еды – набор ароматов химических растворителей для выгонки самодельных наркотиков.

Но ничего этого Рик сейчас не замечал, как, впрочем, не замечал никогда, поскольку шел на работу с сильного похмелья и все свое внимание сосредоточивал на балансировании в опасных местах тропинки.

«Вон оно, значит, как дело было, – размышлял Рик, то и дело одергивая майку, которая из-за обилия бумаги под ней то и дело задиралась. – Спас, значит, человека...»

Теперь Рику становилось понятнее, за что в нем наделали столько дырок – спасал человека, потому и стреляли. Видимо, тут были замешаны контрабандисты, другие на скале дрались редко. Правда, и до автоматов дело никогда не доходило, хотя из пистолетов, случалось, палили.

«Наверное, это были люди с континента...» – подумал Рик, который, как и другие жители острова, со временем начал считать, что все зло на Тамеокане родом с континента.

Под обрывом плескались волны, старые деревья шумели листвой от набегавшего бриза. Боясь, как бы не уволили, Рик шел все быстрее, не замечая, как параллельно ему, прячась за кронами, по воздуху плывет черная тень «трапеции».

Лишь когда в длинном ряду деревьев оказалась брешь, он краем глаза заметил опасность.

Рик остановился, и «трапеция» тоже повисла в воздухе. В потоке горячих газов, извергавшихся из ее сопел, дрожали силуэты двух сухогрузов у горизонта, большое облако и пролетавшая мимо чайка.

– Что вы ко мне пристали? – спросил Рик, обращаясь к «трапеции», он знал, что где-то на другом конце управления роботом сидели люди. Скорее всего, это были парни за тридцать, страдавшие от лишнего веса. На дежурстве им было скучно, вот они и пугали бедолаг вроде Рика, наводя на них стробоскопы «трапеций». А потом смеялись и продолжали трескать чипсы и жареные орешки.

Когда Рик учился в летном училище, у него был знакомый оператор, работавший в технической разведке. Несколько раз Рик заходил к нему на службу и через большое стекло наблюдал за тем, как работали эти люди. Наверное, то же самое творилось и в таможенной полиции.

– Что вы ко мне пристали, уроды?! – закричал Рик, потрясая кулаками. Ему показалось, что это та «трапеция», которая вчера едва не пролезла на склад. А может, они его действительно в чем-то подозревают? Может, думают, что он

главный? Но в чем главный? Рик подумал еще раз повторить фокус со своими ранениями и задрать майку, чтобы они там поразились. Однако вовремя передумал, сообразив, что наклеенные на тело бумажки могли принять за пакеты с наркотиком.

Летающее чудовище в конце концов потеряло к Рику интерес, качнуло крыльями и заскользило вдоль склона к воде.

– Эй, дядя, поберегись! – крикнули сзади и, едва Рик подался в сторону, мимо пронеслись на скутерах двое подростков.

Рик покачал головой и пошел дальше, все время оглядываясь и за каждой кроной опасаясь увидеть сплюснутое тело «трапеции».

Когда он спускался по тропинке к портовой зоне, послышалась сирена электрохода.

«Показалось», – подумал Рик, решив, что принял за сирену скрип несмазанных колес башенного крана.

Неожиданно у забора два кота устроили драку на железных бочках. Рик даже остановился, поражаясь тому, какой шум смогли устроить всего две кошки. Свалившись в одну из бочек, они наконец разбежались, и тут Рик снова услышал сирену электрохода.

Сомнений не оставалось, это был именно грузовик.

Рик пролез в дыру и поспешил к складу, где его встречал только пес Лайуша.

– А где остальные? – не удержался от вопроса Рик, ведь обычно на площадке ему встречались сеньор Кавендиш и сторож.

Пес не ответил, повернулся и затрусил в ангар. Рику ничего не оставалось, как пойти следом.

Склад оказался заставлен ящиками с тапиокой, что было удивительно, ведь электроход приходил через день и навозить столько за ночь никак не могли.

Угол, где парковались погрузчики «нево», пустовал, это означало, что они тоже на причале. Не зная уже, что и думать, Рик поспешил через ангар и выскочил к причалу, где и увидел шедший под разгрузку электроход.

Зумас и Гриппен стояли у причальной стенки, поглядывая на кранцы, а сеньор Кавендиш нервно покусывал свой блокнот, с которым никогда не расставался.

Заметив Рика, он развел руками и покачал головой.

– Ты почему опять опоздал?

– Я... – Рик покосился на стоявших в готовности «нево». –

В меня стреляли, сеньор Кавендиш. Вот...

Рик задрал майку и продемонстрировал свои «огнестрельные раны», однако на сеньора Кавендиша это впечатления

не произвело.

– В тебя когда стреляли? – уточнил он.

– Вчера вечером... – не слишком уверенно ответил Рик.

– Вечером! А на работу идти утром. Чувствуешь разницу?

А по пятницам у нас что?

– Что?

– По пятницам у нас электроход с грузом и отправка капиоки. Хорошо хоть, вчера ты этих успел отремонтировать. Сегодня вроде ведут себя прилично.

Про «этих» Рику было понятно, ведь Кавендиш кивал в сторону погрузчиков, но какой ремонт он имел в виду, Рик не понял.

– Смотри, смотри за кранцами! – крикнул Кавендиш Зумасу.

– Я смотрю, сеньор Кавендиш! Смотрю! – ответил тот.

В этот момент Лайуш стал подавать Рику знаки, подзывая его к себе.

Опасаясь привлечь внимание хозяина, Рик попятился, потом двинулся боком и наконец остановился рядом со сторожем.

– Сеньора Кавендиша вчера не было, он у девки своей ночевал, – зашептал сторож. – А про тебя мы сказали, что грузчиков ремонтируешь...

– А что я делал на самом деле? – спросил Рик, окончательно запутываясь.

– А я почему знаю? Ты ж говорил – стреляли в тебя...

– Так я что, не был вчера на работе?

– Вчера не был.

– А какой сегодня день?

– Пятница...

– Пятница?

– Да. По пятницам отправляем тапиоку, неужто забыл?

– Не забыл, – покачал головой Рик, глядя, как взбивает воду надвигающийся корпус электрохода. В этот раз он работал без сбоев, и пена от винтов расходилась кремовая. Заглядевшись на нее, Рик даже почувствовал запах ванили и сладкий привкус на языке. Его желудок сократился от голодного спазма, и Рику подумалось, что нужно поесть. Ведь если он действительно провалялся дома два дня, значит, два дня ничего не ел. А ел Рик обычно чипсы из креветок, которые подавали в «Синем марлине» – одну тарелочку на пятерых пьяниц.

Повезло, что хозяин к девке своей ездил, а то бы все, погнал бы Рика, несмотря на его способности и заслуги.

Подошел Кавендиш и, не отводя взгляда от приближавшегося электрохода, спросил:

– Чего у них было-то?

– У них? – переспросил Рик, чтобы выиграть на раздумья еще пару секунд. – Нутро у них перегрелось, тепловой удар...

– У обоих сразу? – спросил Кавендиш и недоверчиво покосился на Рика.

– Так у них же это... Связь между ними – по радио...

– Да? Я не знал...

Кавендиш оглянулся на пару «нево», те с честью выдержали его взгляд, а когда, мельком, по-воровски, на них глянул Рик, ближайший к нему робот шевельнулся и его силовые шланги завибрировали, готовые подать в манипуляторы горячее масло.

«Нервничает, – подумал Рик. – Они все слышали, и им это не понравилось...»

Электроход коснулся причала, из его борта тотчас выскочили телескопические швартовые штанги. Они точно вошли в причальные замки, и двигатели электрохода остановились.

Когда трюмные крышки начали открываться, Рик поспешил отойти в сторону, чтобы у погрузчиков не было соблазна случайно его задеть.

Трюмные крышки встали на стопор, и «нево» загрохотали по сходням, а через минуту появились нагруженные стопками ящиков.

– Ну что, хорошо погулял?

Голос прозвучал так неожиданно, что застиг Рика врасплох. Но это оказался Гриппен.

Воспользовавшись тем, что хозяин увлеченно следит за разгрузкой, он незаметно подобрался к Рику, чтобы узнать, где тот пропадал весь вчерашний день.

– Я говорю, хорошо погулял?

– Да, хорошо, – ответил Рик, понимая, что должен выста-

вить Гриппену выпивку, раз тот прикрывал его перед хозяином.

– К бабе ходил?

– Нет, я по бабам не ходок. Я сахеллу пью.

– Сахеллу все пьют, на острове больше делать нечего. Но ты же говорил у тебя шлюха живет по соседству?

– И что? Она по семь песо берет. Откуда у меня такие деньги?

– Семь песо?! – поразился Гриппен. – И что, кто-то к ней ходит?

– наших не видел, а рабочие с рыбной фабрики даже в очереди стоят.

Гриппен помолчал, переваривая услышанное, и только через минуту произнес:

– Все равно семь песо это много, даже для рыбной фабрики. А чего у тебя с пузом-то? Чего ты хозяину показывал?

– А-а... Вот... – Рик поднял майку и показал дорожки приклеенной бумаги.

– О! А чего это?

– Сорок восемь огнестрельных ран, приятель, – с усталой интонацией произнес Рик и опустил майку.

– И... как ты... себя чувствуешь? – спросил ошарашенный Гриппен.

– Двое суток был в отключке...

– Ну еще бы! А как все случилось? Кто в тебя стрелял?

– Не знаю, – пожал плечами Рик. – Говорят, я человека

спас...

– Его пули на себя принял? – догадался Гриппен.

– Видимо, так.

– И сколько ты их в себе таскать будешь? Может, тебе к доктору?

– Нет их там давно, они насквозь прошли. Там, на спине, – он показал большим пальцем через плечо, – столько же дырок, только выходных...

– Получается, повезло?

– Еще как. Жизненно важные органы не задеты.

Кавендиш направился в их сторону, Гриппен быстро отошел. Хозяин выглядел довольным.

– Ну совсем другое дело, Рик! Не знаю, что ты там им подкрутил, но работают они лучше. Без сбоев, без дерганья и все ящики как по ниточке кладут.

– Я старался, сеньор Кавендиш...

– Я заметил. А ты чего такой осунувшийся? Небось все деньги пропил и жратвы купить не на что?

– Ну почему? Есть на что... – возразил Рик, хотя давно не покупал никакой еды. Ему хватало закуски в «Марлине».

– Ладно, подожди здесь, – сказал Кавендиш и ушел в ангар, а когда вернулся, в его руках были две большие спелые капиоки. Такие на переработку не отправлялись – считались переспелыми, зато сырыми в пищу вполне годились.

– Спасибо, сеньор Кавендиш, – поблагодарил Рик и впился зубами в сочный плод, даже не удосужившись его почи-

СТИТЬ.

Погрузка была закончена, «нево» вернулись в ангар, трюмные крышки начали закрывать.

Глядя на их неспешное завораживающее движение, Рик не мог удержаться от того, чтобы еще раз не увидеть момент выключения света в трюмах.

Стрекоча приводами, крышки опускались все ниже, Рик перестал жевать капиоку и не замечал даже, что ее сок капает на майку.

Ниже, еще ниже. Уже оставалась совсем узкая щель – и вот он, долгожданный момент! Электричество отключилось в один момент, но разрядные светильники остывали медленно, давая несколько мгновений для трюмных сумерек, и Рик успел заметить, как из темных углов метнулись быстрые тени, а две из них даже сцепились из-за крупного плода капиоки.

Сверкнули красные глаза, щелкнул стопором замок, крышка трюма плотно встала на место.

Запустились моторы, корпус электрохода вздрогнул и стал отходить от причала, вздымая буруны кремовой пены.

– Ну и что ты там увидел? – спросил вдруг оказавшийся рядом хозяин.

От неожиданности Рик проглотил непрожеванный кусок капиоки.

– О, сеньор Кавендиш... А точно на борту грузовика никого нет?

– А кто там может быть? – Кавендиш удивленно посмотрел на Рика. – Может, какие-то страшные мутанты, а?

И он нервно засмеялся. Затем достал из кармана блокнот и, помахав им перед носом Рика, напомнил:

– Сейчас поставлю погрузчики на место, и мы с тобой проведем переключку...

– Да, сеньор Кавендиш. Спасибо вам за капиоку, очень вкусная...

– Эй, Зумас! Ты куда кранец потащил?! Что значит изнасиловался, мы его только год назад покупали!

Пока хозяин кричал на Зумаса, Рика поглядывал на «нево», который стоял в воротах и как будто смотрел на Рика. В какой-то момент робот вдруг подхватил манипулятором лом, который сторож звал «стенобоем», и легким движением «пальцев» перекусил надвое. Затем бросил куски у ворот, развернулся и покатил на роллерах в свой парковочный угол.

Рик машинально отломил очередной кусок капиоки и стал его пережевывать, совершенно не чувствуя вкуса.

– А что же ты ее даже не почистил? – вернулся к разговору Кавендиш.

– Разве? – очнулся Рик, глядя на мокрые от сока руки.

– Ладно, побегу гляну, как погрузчики встали. За ними теперь глаз да глаз нужен.

Едва Кавендиш ушел, рядом с Риком остановился Зумас, притащивший за собой расплющенный кранец, больше похожий на рыбу, которую переехал грузовик.

– Ты смотри какой он сегодня, Зумас то, Зумас се, – пожаловался Зумас и сел на расплющенный кранец. – Что ты думаешь о подводных городах, Рик?

– О каких городах?

– Ну тех, которые в море. – Зумас махнул в сторону континента.

– Наверное, они утонули, – пожал плечами Рик. После съеденных тапиок он стал чувствовать некоторую сонливость, а еще он снова и снова вспоминал схватку сцепившихся в трюме теней.

«Наверное, они даже орали, но из-за грохота трюмного привода ничего не было слышно...» – размышлял Рик.

– А тебе никогда не казалось, что ты не отсюда? – продолжал расспросы Зумас.

– Нет. Я же приезжий.

– Мне часто кажется, что я совсем ниоткуда. Вот иду по городу и вижу возле пивной «Луха» хорошую девку, с крепкой такой кормой, всё, как мне нравится. И вот подхожу я к ней, а она даже улыбается – тоже познакомиться хочет. Но вдруг я понимаю, Рик, что я не отсюда! Что совсем не отсюда! И сразу ухожу. И девки меня не интересуют, и пиво не интересуется. Только сахелла, но тоже – совсем немного. У тебя такое бывает?

«А хозяин сказал – мутанты это. Он действительно знает или это шутка?»

– Рик, ты меня не слушаешь? – обиделся Зумас.

– Слушаю, Зумас, слушаю. Я тоже пью сахеллу, а про девок давно не думаю.

– Почему?

– Потому что они остались где-то в прошлом, там же, где и пиво.

– В твоём затопленном городе?

– Да, камрад, в моём затопленном городе.

Они немного помолчали, затем Зумас поднялся, увидев спешащего к причалу Кавендиша. В воротах хозяин неожиданно остановился, поднял две половники лома и удивленно на них уставился.

– Эй, а кто это сделал, а? Что за урод это сделал?! – закричал он. – Зумас!

– Это не я, сеньор Кавендиш...

– Как не ты, а кто же тогда? Совсем новый был лом, я покупал его в прошлом году! Рик, ты не видел, кто это сделал? Тут срез совсем свежий – только что кто-то хорошую вещь испортил!

– Нет, сеньор Кавендиш, я не видел, – замотал головой Рик, зная, что оба робота его слышат.

Хозяин отбросил половинки лома и, подойдя к Зумасу, взглянул на лежавший на бетоне кранец.

– Ну и чего ты тут караулишь? Ты же видишь, что это уже

полное барахло! Неси в мусорный бак!

– Вы же сказали... – начал было Зумас, но махнул рукой и потащил кранец на другой конец ангара, где стояли мусорные контейнеры.

– Ну, давай начинать, Рик, – сказал Кавендиш, торопливо отыскивая в блокноте нужную страницу. – А то сейчас уже за грузом начнут подъезжать, а пока неизвестно, все ли нам правильно доставили... Ну что, готов?

– Да, сеньор Кавендиш, готов.

– Удобрения «Маккинрой-летние»...

– Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов! – без запинки отбарабанил Рик.

Кавендиш оторвал взгляд от страницы и вытаращился на своего счетчика.

– Ты чего, парень? Я тебе задал позицию – мешки с удобрением. «Маккинрой-летние»...

– Э-э... – Рик пощелкал в воздухе пальцами, пытаясь настроиться на нужную волну, но остаточные явления приема сверхдозы давали о себе знать.

– Ага, вот! Элеронами называются аэродинамические органы управления, симметрично расположенные на задней кромке консолей...

Поняв, что опять выдает не ту информацию, Рик замолчал, а затем не слишком уверенно предположил:

– Тридцать пять мешков в пластике?

– Ну наконец-то, приятель! Я уже думал, ты совсем пе-

регрелся. Сходится. Идем дальше. Спецодежда «Нильс Хагген»...

- Восемь тюков связанных...
- Сходится. Насосы дизельные, по пять киловатт.
- Восемнадцать ящиков...
- Сходится. Крепеж строительный, пластик.
- Четыре тубы.
- Сходится...

Больше Рик не сделал ни одной ошибки, а когда они закончили, с другой стороны ангара слышались нетерпеливые гудки – владельцы грузов желали поскорее их забрать.

Вечером в седьмом часу хозяин отпустил Рика с работы, взяв с него слово, что тот выпьет не слишком много.

– Если и ты увязнешь в сахелле, Рик, мне будет впору закрываться. Так что сделай милость – побереги себя.

– Спасибо, сеньор Кавендиш, я так и поступлю, – сказал ему Рик, хотя уже с обеда мечтал напиться. Он так и думал: скорее бы выпить. Впрочем, так он думал всегда.

Чтобы немного прогуляться и хоть в какой-то мере выполнить соглашение с сеньором Кавендишем, Рик пошел по более длинной дороге, решив, что в таком состоянии ему на узкой тропе лучше не рисковать. Да и «трапеции» не решатся караулить его на городской улице, а на тропе он с ними один на один.

Идти пришлось через нищенский квартал, построенный на самозахваченной территории бывшей свалки. Рискованная тропинка, по которой Рик ежедневно торопился на работу, проходила мимо тылов этого квартала, а здесь ему пришлось идти через его центр, то и дело раскланиваясь с теми, кого знал.

Тут жили несколько преуспевающих сборщиков тряпья, изредка появлявшихся в «Синем марлине», рыбаки, с которыми также приходилось видеться, дюжина знакомых контрабандистов и множество проституток разного возраста,

которые сами здоровались с ним, надеясь заполучить клиента, а Рик отвечал им из вежливости, поскольку территориально они были почти соседи.

– Эй, касатик, зайти ко мне в спальню! – позвала его жрица любви лет пятидесяти, распахивая халат и демонстрируя свои прелести.

– Я только с работы, милочка. Иду домой, попить молочка – и спать, – отказался Рик.

– Эй, Карра, отстань от него! – крикнул с крылечка другой хижины какой-то смутно знакомый Рикун человек. – Этот парень спортсмен и знает толк в сахелле! Привет, Рик!..

– Кто с сахеллой дружен, тому секс не нужен! – крикнула соседка Карры и ее коллега. Женщины хрипло засмеялись, а Рик улыбнулся в ответ и, махнув знакомому, пошел дальше.

У хижины Хорхе-Робота Рик заметил, что хозяин сидит на скамейке перед дверью, и пошел медленнее. В трущобах говорили, что Хорхе настоящий киборг и что из-под расщепленной шкуры на его боку виден весь его внутренний механизм, однако сейчас на Хорхе была просторная парусиновая рубаха, поэтому смотреть было не на что.

– Привет, Хорхе! – с деланой веселостью поздоровался Рик, надеясь вызвать хозяина на разговор и, быть может, выяснить – робот он или человек. Но Хорхе на провокацию не поддался и лишь смерил Рика неприветливым взглядом, а затем вдруг резко поднялся, схватил лавочку и быстро исчез за своей дверью, только заскрежетал железный засов.

Рик пожал плечами и пошел дальше.

– Что, сбежал от тебя Хорхе? – спросил его подросток лет четырнадцати, который сидел напротив своего крыльца и на сложенном из камней очаге варил в консервной банке наркотик.

– Сбежал, – согласился Рик. – А он правда робот?

– Конечно правда. Вот он сейчас зарядит батарейки и снова покажется.

Мальчик помешал ложкой мутное варево и, глядя снизу вверх на Рика, спросил:

– Уколешься?

– Нет. Я лучше выпью. Дома.

– Ну, как знаешь. А я уколусь.

С этими словами подросток достал из кармана шприц и начал закатывать рукав.

– А вон и он, уже зарядился! – сказал мальчишка. Рик обернулся и увидел только, как Хорхе скрылся за углом своего домишки.

– Пойду я.

– Покедова.

Атмосфера трущоб произвела на Рика гнетущее впечатление, выпить захотелось еще сильнее.

«Зайду домой и только потом пойду на скалу...» – пообещал себе Рик, ускоряя шаг, однако, едва он миновал последний скособочившийся домишко, как нос к носу столкнулся с самим Хорхе-роботом.

Тот стоял посреди тропы, выпучив на Рика глаза. Этот взгляд пробирал до костей, Рик попятился, не зная, что его ожидает. На мгновение ему показалось, что это снова проделки сахеллы и сейчас Хорхе-Робот исчезнет, как страшный сон, однако Хорхе не исчезал и медленно наступал на Рика.

– Все, что про меня говорят, – брехня, – сказал он вдруг и остановился.

– Брехня? – переспросил Рик, чтобы не молчать.

– Брехня. Я никакой не «Хорхе-Робот». Я просто Хорхе... Вот смотри...

Хорхе задрал рубашку и показал большой рубец на правом боку.

– Вот из-за чего ко мне это прозвище приклеилось. Я тогда в больнице лежал, а эти приперлись проведать и увидели все эти трубки и провода по всему телу. Ну и решили, по своей необразованности, что Хорхе, дескать, робот...

– А почему вы им все не объясните?

– Ну... – Хорхе опустил рубашку. – Пока все думают, что я робот, дают мне денег на батарейки.

– На батарейки?

– Да, на батарейки.

Хорхе улыбнулся.

– В море я почти не выхожу, лишь изредка, если кому помощник нужен. А кормиться как-то надо... Так что роботом жить лучше, чем простым бедняком.

– А зачем вы это мне рассказываете?

– Не знаю... Просто подумал, что вам я могу об этом рассказать. Вы в этой майке выглядите как настоящий сеньор...

Миновав шумные стайки детей, бегавших вдоль длинного ряда капироче, Рик вышел к своему дому и неожиданно увидел Монику. Она курила, сидя на скамье, где прежде ждали своей очереди ее клиенты.

– Отдыхаешь? – спросил Рик, проходя мимо.

– О, это ты... – Она устало кивнула. – Садись, посидим.

Или спешишь?

Рик пожал плечами. С одной стороны, он никуда не спешил – рабочий день кончился, но с другой, ему сегодня, как и в любой другой вечер, очень хотелось выпить.

– Ну, давай посидим, – согласился он и сел на край скамьи.

– Они отплыли, – сказала Моника и глубоко затаилась.

– Все хорошее когда-нибудь заканчивается.

– Нет, я даже рада.

Моника затушила окурок о столбик и бросила в траву.

– Хоть отосплюсь, а то трое суток, как машина... Веришь, даже поесть времени не было...

– Понимаю, – кивнул Рик, который тоже не всегда успевал поесть и даже вовсе забывал про еду.

– Ты все работаешь на том складе?

– Работаю, – снова кивнул Рик, держась руками за доску скамьи и слегка раскачиваясь.

– Хорошо платят?

– Сотню. Но мне хватает.

– А я за неделю заработала четыре сотни. Но мне столько не надо, отдам деньги матери.

– Матери?

– Да, она живет недалеко, через два квартала, воспитывает моего Энрике...

– Сколько ему?

– Семь годиков.

На изможденном лице Моники появилась улыбка.

– Осенью в школу пойдет. А ты всегда одинокий?

– Я? Нет... – Рик покачал головой, прислушиваясь к звукам ТВ-бокса, доносившимся из чьего-то открытого окна.

«...разгадана тайна пропажи части продукции сельскохозяйственных кооперативов, выращивавших...»

– Я был женат, но она ушла от меня.

– После того как ты стал пить?

– Нет, раньше.

«...благодаря бдительности этого человека. Он обратил внимание на то, что всякий раз, когда производится перевес продукции таких культур, как баланская слива и тапиока...»

– Попался другой мужчина? – усмехнулась Моника, кутаясь в выгоревшую зеленую шаль.

– И это тоже. Наверное, он ждал ее. К нему и сбежала.

«...ими оказались мутировавшие бандерлоги-фруктоеды с острова Карапундо. Ученым удалось выяснить, что более двадцати лет назад бандерлоги исчезли с острова, все счи-

тали, что они вымерли, однако фруктоеды переместились на суда с автоматическим управлением, ведь там их не могли увидеть люди, а аэрозольные ловушки были рассчитаны только на крыс...»

– Ты не пытался вернуть ее?

– Нет. Если она приняла решение, значит, не передумает.

– Она была такая?

– Да, она была такая...

«...один из причальных рабочих острова Панорино, который, наблюдая за движением крышки трюма одного из электроходов, заметил, что, как только в трюме выключалось освещение, из темных углов выпрыгивали странные тени, которые бросались к ящикам с балаконской сливой. Поначалу ему не верили, считая эти истории пьяным бредом, но после заявления с весовой станции...»

– Иногда мне хочется вернуться в прошлое, – сказала Моника и вздохнула. – В свое далекое детство. Жаль, что это невозможно.

– Это возможно.

– Как? – усмехнулась она.

– Нужно только научиться плавать под водой, чтобы нырять глубоко-глубоко...

– И что потом?

– Потом можно попасть в затопленные города, в которых живет прошлое. Это мне один знакомый сказал.

Каждое утро происходило одно и то же. Море просыпалось раньше людей, прогревалось первыми лучами солнца и начинало разгонять волны, которые, разумеется, тут же устраивали ветер.

Ветер проносился по песчаным пляжам, переворачивал несколько забытых зонтиков, опрокидывал пластиковые столы в прибрежных кафе, а дальше неся по улице Либернадо, сворачивал направо в Хоксвуд, вздымал пыль, подхватывал мусор и устремлялся к дому сорок восемь дробь пятнадцать по Треджес-авеню. И потом ударялся именно в ту форточку, замок которой вот уже второй месяц жилец квартиры не удосуживался починить.

Форточка распахивалась, сквозняк сдвигал плотные шторы, и лучи утреннего солнца падали аккурат на подушку жильца. Он вздрагивал, накрывался с головой шелковым покрывалом, однако вместе с солнцем в его жилище вривался городской шум: гудки спешащих автомобилей, клаксоны развозчиков молока и звонки зеленщиков. Они упорно звонили под окнами постоянных клиентов, пока не просыпались все, кроме самих клиентов, а потом слышалось что-то вроде:

– Ой, а я сегодня что-то разоспалась! Вы принесли спаржу?

– Не спаржу, госпожа, вы заказывали латук и редиску...

– Да когда же я заказывала латук, если я его никогда не заказываю!

И так до бесконечности. А тут еще цирк с его рекламным автомобилем: «Посетите представления «шапито-регламант»! Только у нас дрессированные кошки и поющие дельфины!»

– Может, ты закроешь это окно? – прозвучал вдруг хриплый со сна женский голос. – Всю ночь пашешь-пашешь, так еще и утром поспать не дают...

Голос был Джекобу незнаком, он приподнял голову и посмотрел на соседнюю подушку.

– Ты кто? – спросил он, садясь и протирая глаза.

– Ну здравствуйте! – воскликнула девица, отбрасывая покрывало и соскакивая на пол. – Может, ты еще и платить не будешь?

– Ну... почему уже... – пожал плечами Джекоб, рассматривая незнакомку.

Девушка выглядела неплохо, ее тело носило следы спортивной коррекции, а не бесконечных «лифтингов», как у девиц попроще и подешевле.

– Где у тебя ванная?

– Там... – махнул рукой Джекоб.

Незнакомка ушла, и вскоре послышался шум льющейся воды.

– Ну и ладно, – сказал Джекоб, решив, что лучше вовремя

приехать на службу, чем затягивать вечернее свидание.

Вообще их гарнизон считался отдаленным, в таких обычно царил домашняя обстановка, но иногда начальство вдруг сдвигалось на почве дисциплины и тогда попадавшие на опоздании переводились на казарменное положение, а их городские квартиры оставались на откуп крысам да мухам.

Взяв со стула шорты и майку, Джекоб оделся, закрыл злополучную форточку и пошел на кухню, где включил для прогрева кофе-автомат.

Вскоре девица вышла из ванной в оранжевым «гостевом» халате, который Джекоб купил именно для этих случаев.

– О, кофе! – определила она по запаху.

– Тебе покрепче?

– Да, давай двойную... Ничего, что я этот халат надела?

– Ничего.

– Ты должен мне семьдесят песо, – сказала девица, садясь к столу и целомудренно придерживая полы халата.

– А чего так дорого? – удивился Джекоб.

– Все цены в прейскуранте. Ты же в агентство звонил?

– Ну, наверное...

– Значит, получил прейскурант. Так что давай денежки...

Джекоб вздохнул. Платить такие деньги было жалко, хотя девица их, конечно, стоила.

– Тебе переводом или наличными?

– Наличными, пожалуйста.

– Сейчас принесу, – буркнул Джекоб и вышел из кухни.

Деньги он прятал в специальном тайнике, к проституткам у него доверия не было.

Подойдя к замаскированной под картину съемной панели, Джекоб остановился, подумал мгновение и на цыпочках вышел в коридор, чтобы заглянуть на кухню. Лишь убедившись, что девица не собирается за ним подсматривать, он вернулся к тайнику, достал наличные и отчитал семьдесят песо.

Банкноты попались новые, чистые и красивые. Отдавать такие было жаль, пришлось перебрать все деньги, чтобы найти банкноты похуже.

Вернувшись на кухню, он положил плату на стол и взялся за свой недопитый кофе.

Девушка пересчитала деньги и положила рядом с собой.

– Старые какие. Небось взятки берешь у пушеров?

– У каких пушеров?

– Но ты же коп?

– Ну вот еще! Я не коп, я офицер. И, между прочим, майор военно-воздушных сил.

– То есть вся мебель в квартире и вот эта чудная кухонька, все это легально? Я хочу сказать – за зарплату купленное?

В глазах девушки появился интерес, Джекобу это не понравилось.

– Ничего слишком дорогого здесь нет, хотя вещички я подбирал тщательно.

Джекоб попытался взглянуть на обстановку собственной

кухни глазами постороннего. Действительно неплохо, достойно и со вкусом.

– Вот отдал тебе деньги, а ничего не запомнилось, – произнес Джекоб со вздохом, заглядывая в опустевшую чашку. – У нас что-нибудь было или я сразу отрубился?

– Что-нибудь – было, но называть это полноценным сексом я бы не стала, – сказала девица. Она поднялась со стула, как и прежде, придерживая руками полы халата. – Если заказываешь девушку за семьдесят песо, не пей пиво «Айкбулл», а уж если напился этого дерьма, вызывай кого попроще. Все равно наутро ничего не вспомнишь.

Спустя сорок минут Джекоб Браун уже ехал по западному шоссе, надеясь выскочить из смыкающихся щупалец утреннего часа пик.

У Брауна был «тревор четыреста десять» с паротурбинным двигателем и раскладной крышей. Лет пять назад он считался одним из самых роскошных автомобилей, хотя теперь, конечно, это было уже не то.

Помимо прочего, с некоторых пор Браун был вынужден ездить с поднятым верхом, поскольку открытые машины не нравились начальнику штаба генералу Реннеру. Джекоб был единственным прикомандированным офицером военно-воздушных сил, и пехотный Реннер, без сомнения, завидовал его красивой серо-голубой форме.

В кабриолете он действительно смотрелся очень неплохо, женщины в роскошных машинах прямо у светофоров забрасывали ему в «тревор» свои визитки. Некоторым он звонил, и завязывались романы, но даже и простого внимания ему было достаточно. В такие дни Браун забывал, что едет на скучную службу и что ему уже не тридцать пять, а страшно подумать – сорок два года!

И вот вмешался этот Реннер, бледный уроженец северного Агильона. То ли он видел, как майору в машину бросали эти визитки, то ли внешний вид Брауна показался ему из-

лишние вызывающим, но он потребовал от него вести себя на дороге скромнее и «не уподобляться провинциальному жиголо».

Так и сказал. Но Браун на него не обижался, ведь Реннер торчал в этих местах последние восемь лет и ему уже ничего не светило, тогда как майор находился на полковничьей должности с соответствующим жалованьем и бонусами, а через год, самое большее – через полтора ему был обещан перевод в Бонбридж. Это, конечно, тоже не столица, но довольно заметный город среди тех, которые находились в глубине материка. И все благодаря связям и друзьям в главном кадровом управлении вооруженных сил, связям, которые Браун налаживал еще в училище. В то время как одни курсанты грызли гранит науки и штудировали историю самых знаменитых бомбардировочных рейдов, Джекоб Браун выпивал с сынками высоких военных чинов и ссуживал им деньги без всякой перспективы их возвращения. Он не стеснялся сбегать за пивом, постоять вместо высокородных приятелей в наряде, снять для вечеринки квартиру и вызвать проститутку.

Прошло время, дети высоких чинов стали офицерами и осели в военном министерстве и генштабе. Тут Джекоб и начал стричь купоны со своих безвозвратно ссуженных песо.

Влиятельные покровители не забыли «Брауна-казначая», и он без лишнего шума начал перебираться с должности на должность, получая все возрастающее жалованье и не попа-

даясь на глаза всякого рода комиссиям и аттестационным комитетам.

Обогнав одного за другим два громающих трейлера, Джекоб пронесся по прямому участку шоссе и вырвался за пределы города. Движение здесь было не таким напряженным, весь встречный поток, заливавшийся по утрам в город, двигался по шоссе-дублеру, так что Джекобу оставалось лишь маневрировать между эшелонами автокабов – трейлеров с автоматическим управлением, которые двигались большими группами на идеально выверенной дистанции друг от друга.

Если тормозила передняя машина, одновременно с ней это делали и все остальные, как будто они были соединены единой сцепкой. Но Джекобу автороботы не нравились. Да, они не создавали на дороге проблем, но из их кабин не выглядывали загорелые дальнобойщики и на всю округу не грохотали любимые песни водителей.

Автороботы делали дорогу скучной.

Но делить дорогу с неулыбчивыми роботами приходилось недолго. Всего полчаса гонки мимо полей с ровными, как по ниточки начерченными рядами капиоки, потом мост через быструю речушку с каменистым руслом, и вот он – поворот направо с табличкой «объект ПР-12. Министерство обороны».

Джекоб служил здесь третий год, но до сих пор не знал, что означал этот «ПР-12», потому что во всех документах

место его службы именовалось – «Управление по связям и взаимодействиям».

Хотя, конечно, и это было ненамного информативнее.

За поворотом следовала пятикилометровая аллея и, наконец, сетчатые ворота проходной, облепленные всяческими устрашающими надписями, запрещающими нападать на часового, перелезать через и под ворота, а также «чинить препятствия надлежащему исполнению часовым своих обязанностей».

Остановившись напротив сканера, Джекоб положил ладонь на приемную панель, его опознали, ворота откатились в сторону, и он проехал на территорию военного городка.

Оставив машину на стоянке между двумя пышными клумбами, Джекоб, насвистывая, взбежал по лестнице на третий этаж корпуса, кивнув на бегу паре знакомых.

Уже оказавшись у двери кабинета, он вспомнил, что снова забыл полить кактус, который пытался вырастить у себя на кухне.

К кактусам Джекоб был равнодушен, но его психолог доктор Рабинек настоятельно рекомендовал ему завести питомца, за которым следовало бы ухаживать.

Сначала у него был котенок, который всюду гадил, царапался и сбежал, как только появилась такая возможность. Следующим был щенок, который также сбежал от Джекоба по время прогулки.

С птицами он экспериментировать не решился и сразу купил электронного питомца «бурнаби», которого требовалось кормить каждые два часа, нажимая на кнопки. Но и с этим ничего не вышло, электронный питомец упал в унитаз, поскольку в самый неподходящий момент вдруг запищал, требуя еды, и Джекоб его выронил.

Несчастный доктор Рабинек уже начал сомневаться в адекватности своего пациента, но в качестве реабилитации посоветовал ему завести кактус, причем именно тот сорт, который выживал даже в безводной пустыне. И что же? Джекоб

выращивал уже третью версию, поскольку с первыми двумя ничего не вышло.

– Ладно, полью вечером... – сказал себе майор и, открыв дверь, увидел мигающую на селекторе лампочку.

Вспомнив, что вечером отключил на нем звук, Джекоб метнулся к столу и ударил по кнопке регулировки.

– Вы что там, Браун, еще из сортира не выбрались?

– Все в порядке, сэр, я на месте, – отозвался Джекоб, прикидывая, сколько раз генерал Реннер пытался вызвать его. Теперь его ожидал изнуряющий получасовой выговор – Реннер любил истязать подчиненных медленно.

Но в этот раз выговора не последовало.

– Вы вот что, майор, зайдите ко мне прямо сейчас.

– Слушаюсь, сэр, уже иду! – ответил Джекоб, переводя дух. Кажется выволочка отменялась, по крайней мере по селектору.

Спустившись во двор, Джекоб огляделся и с наслаждением вдохнул напоенный летними ароматами воздух. Погода была прекрасная, в кронах деревьев пели птицы, шмели и пчелы выкачивали нектар со штабных клумб, однако что-то уже готовилось. Что-то определенно готовилось, не зря же Реннер вызвал его к себе, хотя прежде они виделись лишь на праздничных построениях, и такая удаленность от начальства его вполне устраивала.

Перешагнув через метущего дорожку робота-уборщика, Джекоб вдруг почувствовал удар в спину.

Удивленный, он остановился и, обернувшись, увидел на асфальте шевелящего лапками большого шмеля, который предпринимал тщетные попытки подняться. Приглядевшись, Джекоб понял, что это мини-драггер – насекомое-робот, без жужжания которых клумбы выглядели бы не так романтично.

Спустя минуту Джекоб уже стоял в приемной генерала Реннера, где пахло сегодняшним, вчерашним и позавчерашним диетическим кофе. Реннер поглощал этот напиток в огромных количествах, для его нужд в углу приемной стоял кофе-автомат, совсем как в какой-нибудь бильярдной.

Секретарь генерала, которого звали то ли Крейс, то ли Реймс, молодой лейтенант с бесцветным, лишенным эмоций лицом, при появлении майора позволил себе кривую усмешку.

«Наверное, что-то уже знает, мерзавец», – подумал Джекоб и спросил:

– Я могу пройти к генералу?

– Да, сэр. Генерал ждет вас.

И снова эта усмешка. На всякий случай Джекоб посмотрел украдкой вниз, проверяя, не забыл ли он застегнуть ширинку, но все было в порядке.

Джекоб пересек приемную, постучал в лакированную дверь и, услышав «Заходите!», вошел в кабинет.

Генерал Реннер встретил майора коротким взглядом, поднялся из-за стола и развел руками, как будто извиняясь за

ВЫЗОВ.

– Вот вы и пришли, майор, – сказал он, как-то подозрительно склоняя голову набок.

– Как только получил приказ, немедленно к вам явился, сэр, – ответил Джекоб, по-своему истолковав слова генерала.

– Проходите сюда, – сказал генерал, указывая на «переговорный» угол своего просторного кабинета. Пластиковая отделка стен в нем была закрыта поддельными гобеленами, а между двумя потертыми креслами располагался невысокий столик на коротких ножках.

Заняв одно из кресел, генерал указал Джекобу на соседнее, тот пристроился на краешке.

Странное поведение генерала вызвало у Джекоба подозрение. Между тем Реннер дотянулся до шкафа и, выдвинув один из ящиков, достал коробку сигар. Затем поставил ее на стол и, подняв крышку, развернул в сторону Джекоба.

– Угощайтесь, майор Браун. Бренди я не предлагаю, мы ведь на службе, а сигару – пожалуйста.

Джекоб не глядя взял первую попавшуюся, а генерал выбирал не спеша, однако Джекобу показалось, что он лишь тянет время.

Наконец сигара была выбрана, но за этим ничего не последовало, генерал продолжал вертеть ее в руках.

– Мы оба знаем, майор, что вы хитрый сукин сын... – сказал генерал и сделал паузу, ожидая от Джекоба какой-то реакции. Однако тот был хорошим тактиком и промолчал.

– Вы имеете чин майора, относитесь к другому роду войск, однако неведомым мне образом попадаете на полковничью должность с полковничьим же окладом.

– Возможно, мне просто повезло, сэр, – пожал плечами, сказал Джекоб.

– Возможно. Но в первую очередь вам повезло со связями. Генерал снова сделал паузу, но Джекоб молчал, прислушиваясь к доносящимся из окна голосам – там, в отдалении, маршировала рота пехотинцев.

Кажется, они пели песню про серого барашка.

– Вы хотя бы знаете, как называется наша служба, майор?

– О да, сэр, это же написано на каждом документе: «Управление по связям и взаимодействиям».

– Замечательно.

Генерал понюхал сигару и бросил ее обратно в коробку. Джекоб поколебался, а затем положил и свою.

– А как называется ваша должность?

– Э-э... Одну минуту, сэр... – Джекоб прикрыл глаза, чтобы вспомнить точно. – Ага, вот! Уполномоченный эксперт по налаживанию взаимодействия в условиях экстремальных нештатных несоответствий!

– А что вы делали в рамках своей должности?

– Все, что вы мне приказывали, сэр.

– То есть подписывали бумажки?

– Накладывал резолюции после внимательного и вдумчивого анализа, сэр, – поправил его Джекоб.

Они помолчали еще минуту. Было слышно, как в приемной секретарь отфутболивает какого-то посетителя, говоря ему, что к генералу нужно записываться и что «сейчас у него люди».

– Я ведь к чему завел этот, в сущности, ненужный разговор, майор Браун. Наконец-то вам подвернулась подходящая работа. В военном округе Онтарио сложились экстремальные нештатные несоответствия, и они срочно запросили у нас помощи. Разумеется, мы тотчас откликнулись, ведь это наша работа и мы имеем в штате управления соответствующего специалиста. Этот специалист – вы, майор Браун. Вы отправитесь в округ Онтарио и окажете им всю необходимую помощь.

– Но Онтарио, сэр! Это же две тысячи километров на юго-запад! – воскликнул пораженный Джекоб. – Это же непролазные леса и болота!

– И леса, и болота, и кое-что похуже... – кивнул генерал, расцветая злорадной улыбкой.

– Но сэр! Территориально Онтарио наверняка находится в составе другого управления! Давайте проверим!

– Увы, майор. Раньше так и было, но после недавних сокращений одно из малочисленных управлений расформировали, передав его округа ближайшим территориальным управлениям. Онтарио достался нам. Онтарио и еще Приморский Карт...

– Это еще две тысячи километров, только на северо-во-

сток... – машинально добавил Джекоб.

– Возможно, – кивнул генерал Реннер. – Так что, майор, даю вам четыре часа на сборы, а затем отправляйтесь на военный аэродром Кассадия.

– А что там?

– Там вас ждут двое сопровождающих. Сержанты Ронсан и Бафетти. Они прибыли, чтобы доставить вас в Онтарио.

– Но... – Джекоб развел руками. – Но как долго продлится эта командировка? В конце концов, сколько пар белья мне с собой брать?

– Об этом не беспокойтесь. В случае необходимости вам выдадут солдатское белье. Уверен, что у них в Онтарио с этим проблем не будет. Если других вопросов у вас нет, идите и собирайтесь.

Генерал поднялся, давая понять, что разговор закончен. Джекоб поднялся тоже.

– У меня нет вопросов, сэр.

– Ну, тогда до свидания.

– До свидания, сэр.

Ошарашенный Джекоб подошел к двери и, уже взявшись за ручку, вдруг повернулся.

– Один вопрос у меня все же имеется, сэр.

– Задавайте его, майор.

– Что такое «ПМ-12»?

Из четырех часов, выделенные Джекобу на сборы, он не потратил и половины. Собраться было нетрудно – взять старый кофр, бросить в него стопку того, стопку другого, пакетик любимых леденцов, вот, пожалуй, и все.

Вместо летного мундира Джекоб уложил гражданский костюм, а в дорогу надел пехотную полевую форму.

Отнес ключ экономке, попросил присматривать за квартирой и поливать кактус. Затем было такси и место на заднем продавленном сиденье. Там пахло ароматическим табаком и пылью, а обшивка дверей пронзительно скрипела на каждом повороте.

Таксист оказался то ли не местным, то ли из новичков и не сразу понял, куда нужно ехать.

«Это тот самый Кассадия, который возле озера?»

«Нет, возле озера Румайсан... Правь в сторону гранитного карьера...»

«Это в карьере?»

«Нет, не в карьере. Но нам по дороге...»

Несмотря на неопытность водителя, до аэродрома Джекоб добрался быстро. Расплатившись и забрав кофр, он подошел к стоявшему у ворот часовому и предъявил пропуск.

Тот сверил данные со списком и, кивнув, возвратил пропуск Джекобу.

– Проходите на территорию, сэр, и подождите вон в той беседке. За вами придет транспорт.

Со стороны поля донесся рокочущий гул, от которого завибрировали ворота, затем за рядами сосен появился силуэт «вансаго», четырехсоттонного грузовика. Разгоняя двигатели, он выпускал из дюз длинные огненные хвосты, заставляя горизонт подрагивать в этом раскаленном мареве.

«Как все знакомо», – подумал Джекоб, вспоминая, как же давно он не был на военном аэродроме. На гражданские попадал часто, но там все было просто – посадка через «рукав», потом взлет, обед-чай-кофе, немного сна и снова посадка в пункте прибытия. И снова в «рукав», оттуда в шумный зал, на такси и сразу к месту. А здесь можно было почувствовать запах сгоревшего мисканина – высококалорийного топлива, на котором летали тяжелые воздушные суда.

В беседку Джекоб не пошел, он насиделся в такси, поэтому, оставив кофр на газоне, стал прохаживаться по асфальту, чувствуя в голове странную пустоту.

Была налаженная, понятная жизнь, и вдруг – нате вам, командировка с неизвестными целями. Что он там будет делать, в этом Онтарио?

Скоро на дороге показался электрокар с водителем, а когда машина подъехала ближе, Джекоб понял, что это обычный гольф-кар, «военизированный» защитной окраской.

Машинка лихо развернулась на полосе асфальта и остановилась рядом с Джекобом.

– Здравия желаю, сэр! Мне поручено доставить на поле майора Брауна. Это вы?

– Да, приятель, это я.

Джекоб забросил кофр на небольшую площадку, где обычно лежали клюшки, и сел рядом с водителем.

– Вас уже ждут, сэр, – сообщил словоохотливый водитель, и электрокар резко стартовал с места.

– Я знаю. Меня ждет эскорт...

– Да, эскорт что надо.

– Женщины? – усмехнулся Джекоб.

– Ну, кому как...

Их разговор прервался из-за заходившего на посадку очередного грузовика. Рев был такой, что у Джекоба защекотало в коленке.

– Непривычны к такому? – скорее по губам прочитал Джекоб и неопределенно пожал плечами.

В какой-то момент они свернули на пешеходную дорожку и выскочили к диспетчерской башне, а не к залу ожиданий, как ожидал Джекоб.

Электрокар остановился, пассажир сошел на бетон и принял поданный водителем кофр.

– Всего хорошего, сэр. А вон и ваш эскорт!

Водитель махнул куда-то на границу поля и, пока Джекоб поворачивался, умчался прочь.

Впрочем, Джекоб этого даже не заметил, все его внимание было приковано к двум широкоплечим солдатам в комбине-

зонах с растровой маскировкой, которые спешили ему навстречу. Лишь когда до них было каких-нибудь десять метров, Джекоб понял, что один из сержантов – женщина.

– Здравия желаю, сэр! Сержант Ронсан! – представилась она и осторожно пожала Джекобу руку.

– Сержант Бафетти! – представился мужчина, так же аккуратно пожимая майору руку. И это было нелишним: сложены эти двое были, как супермены из журнальных комиксов.

– Идемте с нами, сэр, вон там, за вертолетом, наш транспорт, – сказала сержант Ронсан и, подхватив кофр, зашагала вдоль желтой линии безопасности.

– Не нужно, я сам! – воскликнул Джекоб, чувствуя неловкость от того, что женщина несет его вещи.

– Мне нетрудно, сэр, – сказала Ронсан, но Джекоб все же забрал кофр.

Сержанты переглянулись, как заговорщики, после чего Ронсан незаметно отдала коллеге проспоренные десять песо и тот с довольным видом спрятал их в карман.

Идти пришлось метров двести. В ряду вертолетов, сразу за большой транспортной машиной, Джекоб увидел штурмовик «либретто», давно устаревший и снятый с вооружения самолет, которые во множестве переделывали под иные нужды, снимая с них броню, вооружение и специальную аппаратуру.

Однако на этой машине броня осталась на месте, хотя в борта были врезаны иллюминаторы из бронестекла, по четыре с каждой стороны.

Подойдя ближе, Джекоб заметил на корпусе следы от осколков, а на защитной створке шасси недавно заваренную пробоину.

Подвесные «сигары», которые он поначалу принял за дополнительные баки, оказались пушечными контейнерами, но самый неприятный сюрприз ожидал его в тот момент, когда сержант Ронсан открыла узкую дверцу в салон, предлагая майору войти первым.

На обратной стороне двери Джекоб увидел стилизованную под прыгающую пантеру эмблему отряда специального назначения «Нортекс». Получалось, что эти двое, в комбинезонах без знаков различия, являлись бойцами этого подразделения, а в округе Онтарио его ждала не просто какая-то работа, а самые настоящие проблемы.

«Нортекс» применяли в борьбе с особо опасными партизанскими группировками, и, похоже, в Онтарио этих группировок хватало.

Недаром так злорадно щерился генерал Реннер.

От этих мыслей у Джекоба слегка закружилась голова, он задержал дыхание и нырнул в салон, словно в воду.

Внутри все выглядело не так уж плохо. После демонтажа роторных магазинов для подачи ракет здесь осталось достаточно места, чтобы поставить несколько пассажирский сидений, а в хвосте пристроить крохотный туалет.

Пилотская кабина была отделена перегородкой с дверцей, на ней висел генератор для очистки питьевой воды.

Имелся, правда, один заметный недостаток: потолок был низковат, передвигаться в салоне приходилось, как в микроавтобусе – слегка согнувшись. Но Джекоб видел эти штурмовики во времена их расцвета, досконально изучал эти машины и был впечатлен внутренней переделкой.

Выбрав место рядом с иллюминатором, Джекоб пристроил в ногах кофр и улыбнулся сопровождающим, ожидая, что они расскажут ему, куда его повезут, однако в этот момент распахнулась дверца кабины и в салон выглянул пилот.

– Добро пожаловать на борт, сэр! – сказал он и широко улыбнулся, демонстрируя отсутствие двух передних зубов.

– Спасибо, командир! Приятно удивлен уютом на вашем судне.

– Да, работнички постарались, – снова улыбнулся пилот

и постучал по хлипкой перегородке. – А вы как будто из наших, из летающих?

– Был когда-то, – смущенно улыбнулся Джекоб: ему была неприятна эта тема.

– А то, может, за штурвал, рядом со мной, а? Здесь пока городская зона, а вот дальше будет интересно...

– Не обращайтесь внимания, сэр, это Ганс, он у нас большой шутник! – вмешалась сержант Ронсан и, чтобы поддержать пассажира, села рядом, заставив скрипнуть слабую конструкцию кресла.

Пилот убрался к себе, сержант Бафетти захлопнул дверцу, и в салоне повисла неловкая пауза.

– А куда мы, собственно, полетим? – спросил Джекоб, решив, что для расспросов наступило самое подходящее время.

– На юго-запад, сэр, в округ Онтарио, – ответила Ронсан. Джекоб отметил, что перед ним симпатичная женщина, которой не более тридцати лет. Крупновата, конечно, но Джекобу такие нравились, а однажды у него две недели жила девушка-борец из цирка шапито.

– Я знаю, что мы летим в Онтарио, сержант, но округ большой, а хотелось бы знать название населенного пункта – что там, городок или какая-то деревня?

– Там нет никакой деревни, сэр. Это просто опорная база.

– А что там вокруг?

– Вокруг? Вокруг только лес.

Взлет «пассажирского штурмовика» наваял на Джекоба давно забытые ощущения, чему очень поспособствовали более мощные, чем раньше, двигатели.

«Эх, были бы такие движки во времена моей курсантской молодости...» – подумал он, чувствуя, как перегрузки вдавливают тело в спинку кресла.

Земля в иллюминаторе стала быстро удаляться. Деревья превращались в кустики рапса, дома в смешные коробочки. Машины в разноцветных жуков, а дорога, по которой они бежали, в извилистую асфальтовую реку.

– Долго нам лететь, сержант? – спросил Джекоб.

– Два часа, сэр.

– Тогда я, пожалуй, вздремну.

– Это самое лучшее, сэр.

Джекоб откинул спинку кресла и закрыл глаза, а штурмовик покачал крыльями и лег на курс. Его двигатели работали ровно и на удивление тихо. Сержант Ронсан пошевелилась, ее колено коснулось ноги майора. Прикосновение было приятным, Джекоб начал фантазировать, развивая эту тему в условиях обстановки тесного салона, но быстро устал, и его стала одолевать дрема.

Спал он крепко, недосыпания последних суток с поздними вечеринками давали о себе знать. Когда штурмовик начал

снижаться, Джекоб проснулся и, потянувшись, сонно улыбнулся сержанту Ронсан.

– Что, уже прилетели? – спросил он.

– Еще нет, сэр.

– А почему снижаемся?

– Требования безопасности, сэр.

– Да?

Джекоб выглянул в иллюминатор. Внизу было бесконечное зеленое море джунглей, погруженных в голубоватое море.

– А чего здесь следует бояться, сержант?

– Партизаны, сэр. «Сандеро комусса». Вам лучше поднять спинку и пристегнуться...

– Вот даже как?

– Да, сэр. Ганс отличный пилот, но часто забывает, что в салоне люди.

Джекоб заметил, что сама Ронсан и сидевший на другой стороне от прохода Бафетти уже пристегнуты.

Застегнув замки страховочных ремней, он почувствовал себя лучше, только не мешало бы сходить в туалет.

Штурмовик продолжал быстро снижаться, временами казалось, что он падает. Джунгли из голубых становились зелеными, а кроны отдельных деревьев легко различимыми.

Вот промелькнуло несколько озер и разбегавшиеся по болоту олени.

Штурмовик выровнялся, теперь он летел метрах в пяти-

десяти над деревьями. Это было по-настоящему интересно, и Джекоб припал к маленькому иллюминатору, чтобы видеть поднимавшихся с деревьев птиц и летучих ящериц.

Внезапно «либретто» встал на крыло и провалился еще ниже. Затем выровнял полет и, прибавив скорости, понесся над самыми макушками.

– Что случилось? – спросил Джекоб, стараясь не показывать, что обеспокоен.

– Видимо, нас нащупал радар «Сандеро комусса», – ответила Ронсан. – Ганс всегда так делает, чтобы сорваться с экрана.

– Понятно, – кивнул Джекоб и улыбнулся, досадуя, что улыбка выходит криво.

Вероятно, этим сержантам случалось бывать в такой ситуации, возможно, даже не один раз, но Джекобу не приходилось воевать ни с кем, кроме проституток, которые иногда пытались запросить лишнего.

Чтобы немного отвлечься, он снова стал смотреть в иллюминатор и вдруг увидел потянувшиеся от высокого дерева желтоватые трассы снарядов. При свете солнечного дня они казались какими-то нереальными и совсем не опасными, однако цепочки тянулись наперехват штурмовику, пилот сделал «горку», чтобы уйти от них. Затем он сорвал штурмовик еще ниже, майор вцепился в кресло, решив, что они падают. Но удара о землю не последовало, а в иллюминаторе с бешеной скоростью замелькала темно-зеленая растительность.

– Да что же это такое?! – воскликнул Джекоб, окончательно теряя присутствие духа.

– Ганс прячется в просеке, сэр. Их тут много, он неплохо в них ориентируется, – пояснила Ронсан.

– И что, мы так и будем тащиться по земле брюхом до места назначения?

– Нет, сэр, когда проскочим опасный район, полетим как обычно.

По просеке штурмовик летел недолго – всего несколько секунд, затем деревья исчезли и стало светло. Лишь увидев водяную солнечную дорожку, Джекоб понял, что они летят то ли над рекой, то ли над большим озером.

Тем временем штурмовик выпустил закрылки и, сбросив скорость, стал выполнять разворот.

– Он что, решил вернуться?! – сбившись на фальцет, спросил Джекоб.

Сержанта Ронсан не ответила, ей и самой было непонятно, зачем Ганс затеял эти гонки.

А между тем, развернувшись над озером, штурмовик, как показалось Джекобу, бросился на стену джунглей. Майор даже зажмурился, вновь ожидая удара, но машина лишь скользнула в очередную просеку и пошла над самой землей, отчего в иллюминаторе стало почти темно.

«А если он наркоман? – подумал Джекоб, вспоминая лицо пилота. – Точно, он наркоман!»

Ему уже приходилось видеть таких людей, когда он жил

в небольшом бунгало недалеко от доков. Ходить домой приходилось через небольшой парк, в котором во множестве встречались эти самые наркоманы. Однажды двое из них даже пытались влезть к нему в бунгало, только в тот миг Джекобу стало понятно, почему такой дом сдавался задешево.

Все эти мысли промелькнули в голове Джекоба всего за полмгновения, а затем штурмовик вдруг подскочил на десяток метров, и майор увидел, как с его стороны открылся пушечный контейнер, а затем оттуда ударил фонтан огня.

Звука выстрелов слышно не было, лишь корпус машины отозвался мелкой дрожью. Штурмовик совершил еще один скачок и скользнул над деревьями влево, чтобы спуститься в очередную просеку.

И снова ударили пушки, и снова по корпусу прошла судорожная дрожь, а «либретто» набрал высоту и, сделав разворот, встал на основной курс.

Джекоб перевел дух и посмотрел вниз. Над просеками поднимались столбы черного дыма.

Он покосился на Ронсан, но та в ответ лишь пожалала плечами.

Еще минут десять Джекоб чувствовал не покидающее его напряжение, однако полет проходил штатно, так что в конце концов майор успокоился и стал смотреть на джунгли без внутреннего содрогания.

Через полчаса машина пошла на посадку, но как Джекоб ни расплющивал нос об иллюминатор, разглядеть впереди

аэродром так и не смог.

Тем не менее аэродром в джунглях имелся и представлял собой всего одну полосу, прикрытую сверху маскировочной сетью.

Штурмовик юркнул в посадочное окно и покатился по грунтовой полосе, выровненной инженерными машинами и укрепленной десператором.

По мере того как машина замедлялась, у Джекоба появлялась возможность рассмотреть околоаэродромную часть опорной базы.

В тени зеленого шатра из высоких деревьев располагались ангары для самолетов и обслуживающей техники, постройки для персонала, хозяйственные блоки, раскрашенные в защитные цвета полужесткие цистерны и развешанные на ветвях пучки кабелей.

В конце полосы штурмовик заглушил оба двигателя и покатился на электроприводе шасси. Свернув направо, он въехал в ворота ангара, где уже ждала смена механиков с инструментами и тестовой аппаратурой.

Огромные ворота закрылись, и внутри включилось искусственное освещение.

– Мы на месте, сэр, – сказала сержант Ронсан, поднимаясь с кресла.

– Я понял, – кивнул Джекоб и оглянулся на узкую дверцу

туалета. Ему требовалось срочно отлить.

– Здесь в ангаре есть сортир попросторнее, сэр, – сказала Ронсан, угадав его намерения. – Там намного удобнее. Выходите, Бафетти вам все покажет, а я заберу багаж.

Возражать Джекоб не стал и выскочил из салона вслед за Бафетти.

Воздух в ангаре оказался влажным и липким – после салона с искусственным климатом это чувствовалось особенно остро.

Проникнувшись ситуацией, сержант Бафетти почти бегом провел майора по узким коридорам и указал на дверцу, которая оказалась не шире той, что была в хвосте штурмовика.

– Вам сюда, сэр...

– Благодарю, сержант.

Джекоб ворвался в жестяную туалетную кабинку и провел там пару минут, после чего сполоснул руки под крохотным ручным умывальником, включенным на режим жесткой экономии. Сполоснув лицо и шею, Джекоб заметил, что в здешней духоте начинает сильно потеть.

Выдернув из бокса салфетку, он вытер лицо и руки, сразу почувствовав казенность изделия – дешевые салфетки из обычного магазина были куда мягче.

Боясь даже предположить, что его здесь ожидает, Джекоб вышел из туалета и, достав из кармана кепи, надел, чтобы выглядеть солиднее.

– Все в порядке, сэр? – спросил сержант.

– Да, в порядке. Я с самого взлета терпел, а потом как-то...

Они пошли обратно по тем же запутанным коридорам. Возле выхода из ангара их встретили сержант Ронсан и пилот. Последний выглядел так же неадекватно, как и перед взлетом, и Джекоб снова вспомнил про наркоманов и бунгало.

– Я не слишком беспокоил вас своими маневрами, сэр? – спросил пилот, как-то странно кривя рот.

– Нет, все в порядке, командир. Спасибо за незабываемые приключения.

Джекоб покосился на Ронсан, гадая, достаточно ли мужественно сейчас выглядит, ведь в салоне он позволил себе испугаться.

– Надеюсь, это не я виноват в том, что вы... поспешили в сортир? – поинтересовался пилот.

– Скорее вина лежит на выпитом перед обедом пиве, – ответил Джекоб, натянуто улыбаясь.

– Идемте, сэр! – сказала Ронсан и, толкнув массивную дверь, вышла из ангара.

Джекоб последовал за ней. Сделав первый же вдох, он понял, что снаружи воздух еще более влажный и горячий, чем в ангаре.

По территории было проложено множество тропинок, мощенных пластиковой сетчатой плиткой. Она приятно пружинила под ногами и не скользила, хотя с деревьев то и дело падали большие капли воды и клейкого сока.

Впрочем, промокнуть от капель Джекоб не боялся, его обмундирование и так уже пропиталось потом, а чтобы дышать, приходилось широко открывать рот.

А вот шедшая впереди сержант Ронсан, казалось, совсем не страдала от жары, ее лицо лишь слегка зарумянилось.

Это путешествие по мокрым мощеным дорожкам неожиданно окончилось через три минуты, хотя Джекобу показалось, что он плелся за сержантом не менее получаса. В какой-то момент он так разомлел от духоты, что перестал ощущать мучившую его неопределенность – кто и с какой целью вызвал его в это пекло? Но даже в таких условиях Джекоб продолжал уделять внимание сержанту Ронсан, рассматривая ее при каждом повороте тропы.

«Немного косметики ей бы не помешало. А губы красивые. Вот только плечи ну очень широкие, да и ростом вон какая вымахала...»

Румяные щечки сержанта Ронсан вдруг стали расплываться, и майор Браун окончательно утерять способность мыслить.

«Вы слышите меня, сэр?»

«Похоже, спекся парень...»

«Может, фельдшера вызвать?»

«Но он же на ногах...»

В лицо Джекобу плеснули водой, и он наконец «включился».

– Что это? Что случилось?

Майор вытер с лица воду и огляделся. Он и оба сопровождавших его сержанта стояли на площадке перед одноэтажным сборным домиком.

– Сэр, вы в порядке? – спросила Ронсан.

– Да, я в порядке. Какие у нас планы?

– Вас желает немедленно видеть генерал.

– Генерал? – встрепенулся Джекоб. – Какой еще генерал?

– Мы не знаем, сэр, – ответил Бафетти. – Какой-то однозвездный генерал, прилетел сегодня утром из Бунсдорфа.

– Нам только что сообщил об этом ефрейтор Гарвель, – добавила Ронсан.

– А я не видел никакого ефрейтора...

– Возможно, сэр. Но вам сейчас сюда – вот в этот домик, там вас ждет генерал. А ваш кофр я отнесу вон в тот зеленый домик – «двадцать четыре бэ».

– «Двадцать четыре бэ», – повторил Джекоб, не совсем понимая смысл повторенной фразы. Впрочем, где находится генерал он запомнил сразу и, смело поднявшись на ступеньку крыльца, толкнул входную дверь.

Однако та подалась не сразу – прежде сработал «тепловой клапан», не позволявший духоте из джунглей попасть в кондиционированное пространство генеральского домика.

Оказавшись в прихожей, Джекоб остановился и прикрыл глаза, чувствуя, как его отпускают возникшие от перегревания спазмы. Он и не подозревал, что так плохо переносит жару, хотя и жил на побережье теплого моря.

Насладившись наконец прохладой, он осторожно постучал в застекленную дверь, но ему не ответили.

Из комнаты доносилась негромкая музыка, и Джекоб решил, что его не слышат. Он приоткрыл дверь и произнес:

– Разрешите, сэр? Это майор Джекоб Браун...

Однако его снова не услышали, и тогда Джекоб вошел в комнату и огляделся в поисках жильца.

– Кто там? Майор, это вы? – раздалось из другой комнаты, а потом оттуда вышел генерал, в таком же, как у Джекоба, полевом обмундировании, не слишком подходившем для здешнего климата.

– Феликс? – удивленно произнес Джекоб.

– Джекоб? Джекоб-Казначей? – в свою очередь удивился генерал, узнавая приятеля, с которым устраивали вечеринки с девицами в мотелях, напивались в пригородных пивных и вместе выкручивались перед училищным начальством, сочиняя разные небылицы.

– Вот это да! Ты уже генерал! – поразился Джекоб и, попятившись, сел в кресло.

– Всего лишь однозвездный, – шутливо посетовал Феликс, садясь напротив.

– Ты, наверное, самый первый генерал из всей нашей компашки, да?

– Увы, нет, – покачал головой Феликс. – Рыжий Бартон меня обошел. Он уже второй год как генерал, а я только шесть месяцев.

– Ну, у Бартона папа был замминистра тылового обеспечения...

– Да, с таким толкачом никакие генштабисты не сравнятся, – согласился Феликс. – А ты как здесь оказался?

– Мой начальник, генерал Реннер, послал меня в командировку. Тот еще злодей. Я, конечно, подозревал, что здесь будет гадко, но чтобы настолько...

– Постой, Джекоб, Реннер из управления в Аквиле?

– Ну да. Я оттуда и прилетел, за две тысячи километров.

– Так, значит, ты и есть тот самый специалист?

Феликс посерьезнел и уставился на Джекоба.

– Я не очень понимаю...

– Мне сказали, что сюда в Онтарио из ближайшего окружного управления пришлют какого-то майора, специалиста по налаживанию условий в нештатных ситуациях...

– Да, Феликс. Уполномоченный эксперт по налаживанию взаимодействия в условиях экстремальных нештатных несоответствий – это я, – не без гордости поправил старого приятеля Джекоб и, откинувшись в кресле, взял из вазы на столи-

ке краснобокий персик. – Какое счастье, Феликс, что я здесь встретил тебя, а не какого-нибудь педанта, рубаку-служби-ста. А то ведь я, честно говоря, ни уха ни рыла во всех этих делах, так что, камрад, мне потребуется твоя помощь.

Джекоб съел персик и точным броском отправил косточку в корзину для бумаг.

– Во как! Мастерство не пропьешь, правильно?

Однако генерал настроения Джекоба не разделял. Он сидел, сцепив руки, и с мрачным видом пялился на настенную карту района, по которой были разбросаны неведомые ему обозначения.

– Вообще-то, Джекоб, я ждал помощи именно от тебя...

– От меня? – искренне удивился тот.

– Да, от тебя. Ну, не от тебя, конечно, а от специалиста, должность которого ты занимаешь.

– А что вообще происходит, Феликс? Зачем тебе этот специалист?

– Специалист затем, что сам я ни хрена в этом не понимаю. В этих самых экстремальных ситуациях.

– А зачем же ты сюда приперся? Не нашел, кого вместо себя послать?

– Меня самого вместо себя послали. Бригадный генерал Йорк. А отказать ему я не мог – он меня продвигает.

Джекоб вздохнул. Все складывалось не только скверно, а даже отвратительно. Мало того, что он сам не являлся никаким специалистом, так еще и другие оказались такими же

пустышками.

– Ну... Может, мы сами чего-нибудь скумекаем, а? Чего тут делать надо, не с автоматами же бегать?

– Да уж лучше бы с автоматами...

Генерал вздохнул.

– А что, Феликс, нельзя кого-нибудь из другого округа выписать? Специалиста по экстремальным ситуациям? – с надеждой спросил Джекоб, и ему на мгновение представилась его уютная квартирка в центре Аквиля и удобный кабинет в «ПР-12».

– Нельзя! – строго произнес генерал и грозно, по-служебному, взглянул на Джекоба. – Если в другом округе узнают, что у нас некомпетентные военные специалисты, мигом сожрут. Ты же не хочешь по результатам аттестационной проверки остаться в Онтарио в должности командира взвода?

– Нет, не хочу! – воскликнул Джекоб и даже вскочил с кресла. Это раньше его можно было пугать каким-то там абстрактным Онтарио, а теперь майор Браун находился внутри этих самых джунглей и очень хорошо понимал, что это за дыра.

– Ладно, сядь...

Джекоб сел и положил руки на колени, всем своим видом показывая, что собирается внимательно слушать.

– Короче так, в полутора тысячах километров отсюда, в долине Риорды, это река такая...

– Река, понял, – с готовностью кивнул Джекоб.

– Пропала связь с дивизионом ПВО.

– Как пропала?

– Очень просто, они перестали выходить в видеоскрипт и вошли в режим полного радиомолчания. Район очень важный, поскольку там базируется крупнейшее в регионе партизанское движение «Сандеро каламаса».

– Постой, но ведь эта «Сандеро» вроде здесь, – сказал Джекоб, указывая на окно, как будто там, с винтовками и мачете, уже стояли партизаны. – Они обстреляли нас, а потом пилот Ганс расстрелял их из пушек...

– На этой территории базируется «Сандеро комусса», а на Риорде – «Сандеро каламаса».

– Да? Как все запутано, – искренне поразился Джекоб.

– То-то и оно. Эти самые «Сандеро каламаса» производят наркотики, занимаются контрабандой, торгуют оружием и даже подкупают сенаторов в региональных парламентах.

– Широко работают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.